Литургическая коллекция

Серия «НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ЛИТУРГИСТОВ»

А. А. ДМИТРИЕВСКИЙ

Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке, и в частности в Палестине

Опубликовано: Труды Киевской духовной академии. 1904. № 11. С. 319–380.

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2008.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2008

ТРУДЫ
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1904.

НОЯБРЬ.

I. **Блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго.** О согласіи Евангелистовъ (въ русскомъ переводѣ) 49
II. Начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритъ Антонинъ (Капустинъ), какъ дѣятель на пользу православія на Востокѣ и въ частности въ Палестинѣ. (По поводу десятилѣтія со дня его кончины). **А. А. Дмитріевскаго** 319
III. Соціализмъ—его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія. Свящ. **Н. С. Стеллецкаго** 381
IV. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. Свящ. **Ѳ. И. Титова** 400
V. Ѳеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра I-го. **А. Ельчукова** 434
VI. Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. **С. Т. Голубева** 447
VII. Неумѣстный символизмъ въ изъясненіи библейскаго текста. Свящ. **А. А. Глаголева** 482

Въ приложеніи:

VIII. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи за 1903—1904 учебный годъ. 353
IX. Объявленія.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Горбунова, Крещатикъ, д. № 38-й.
1904.

Начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритъ Антонинъ (Капустинъ), какъ дѣятель на пользу православія на Востокѣ и въ частности въ Палестинѣ.

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины).

Рѣчь, произнесенная 21 марта 1904 г. въ городской думѣ въ годовомъ собраніи Кіевскаго отдѣла Императорскаго Палестинскаго Общества.

10,000 русскихъ паломниковъ, пріѣзжающихъ, по оффиціальнымъ даннымъ, нынѣ ежегодно въ Палестину, не ограничиваютъ своего паломническаго подвига обозрѣніемъ достопоклоняемыхъ мѣстъ Іерусалима и его окрестностей, но стараются непремѣнно побывать на Іорданѣ, въ Горней, въ Хевронѣ, у Дуба Мамврійскаго и въ другихъ мѣстахъ. Всюду въ этихъ мѣстахъ наши паломники встрѣчаютъ и уютный кровъ и самый радушный истинно русскій пріемъ. Для большинства изъ нихъ всѣ эти пріюты и помѣщенія, обставленные комфортабельно даже для избалованнаго жизнію человѣка, есть ни больше ни меньше какъ „*наши* постройки", или постройки Палестинскаго Общества, которое § 1 своего устава, какъ извѣстно, ставитъ для себя задачу учреждать и „странноприимные дома" для паломниковъ, но еще не далеко то время, когда эти пріюты назывались „антониновскими" или „архимандричьими", по имени своего основателя. „Не назову его, пишетъ о. Антонинъ о русскомъ храмѣ Св. Троицы или Никодима въ Аоинахъ, дѣломъ рукъ своихъ, но что въ настоящемъ видѣ онъ есть *плодъ моей*

мысли, потомъ неодолимаго желанія, неусыпнаго попеченія; объ этомъ если не мои уста, то его камни возопіютъ“ [1]). Незабвенный въ лѣтописяхъ Палестины нашъ покойный настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандритъ Антонинъ могъ совершенно съ одинаковымъ правомъ говорить то же самое и о каждомъ своемъ сооруженіи въ указанныхъ нами выше пунктахъ. Къ глубокому сожалѣнію, въ числѣ поклонниковъ Палестины нашего времени той почтенной цифры, какую даютъ оффиціальныя данныя, пытливые серьезные совопросники встрѣчаются не часто, и имя о. Антонина, какъ дѣятеля, много потрудившагося на пользу православія въ Палестинѣ, большинству изъ нихъ или ровно ничего не говоритъ, или, случайно коснувшись ихъ слуха два-три раза, во время поверхностнаго обозрѣнія достопримѣчательностей Палестины, не западаетъ глубоко на сердце и быстро улетучивается изъ памяти. Достойно полнаго удивленія, что даже наша періодическая печать весьма мало, чтобы не сказать больше, удѣлила этому замѣчательному дѣятелю сочувствія и вниманія, на которыя она иногда бываетъ не скупа для личностей весьма заурядныхъ,— когда смерть безжалостно положила конецъ его плодотворной и неутомимой дѣятельности. Нашъ, напр., оффиціальный духовный органъ „Церковныя Вѣдомости“ не нашелъ возможнымъ для некролога этому неустанному ратоборцу на православномъ Востокѣ свыше сорока лѣтъ удѣлить и *полныхъ сорока строкъ* [2]), имѣя, быть можетъ, въ виду тотъ фактъ, что за годъ предъ тѣмъ, по поводу пятидесятилѣтія служенія и литературно-ученой дѣятельности о. архимандрита Антонина, на страницахъ его нашелъ себѣ мѣсто весьма сочувственный, краткій очеркъ жизни и дѣятельности его, написанный приснопамятнымъ проф. нашей Академіи покой-

---

[1]) Арх. Антонина. Изъ Румеліи. СПБ. 1886, стр. 583.

[2]) Церковн. Вѣд. 1894, № 15, стр. 507.

нымъ И. И. Малышевскимъ [1]). Небольшую, но весьма горячую и выпуклую по освѣщенію фактовъ, характеристику личности о. Антонина представилъ въ годичномъ отчетѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за 1894 г. скончавшійся въ прошломъ году весьма энергичный дѣятель на пользу православія въ Палестинѣ, бывшій помощникъ предсѣдателя, членъ совѣта и секретарь Общества покойный В. Н. Хитрово [2]), лично хорошо знакомый съ о. Антониномъ. Это, можно сказать, и все почти [3]), чѣмъ помянули въ Россіи незабвеннаго о. Антонина.

Призванные лестнымъ для насъ порученіемъ занять Ваше просвѣщенное вниманіе, м. г. и м. г-ни, въ настоящемъ торжественномъ собраніи кіевскаго отдѣленія Императорскаго Православнаго Общества, мы рѣшаемся предложить очеркъ жизни и дѣятельности о. Антонина, какъ выдающагося дѣятеля на пользу православія на Востокѣ вообще и въ Палестинѣ въ частности, съ тѣмъ, чтобы и почтить память этого близкаго намъ, кіевлянамъ, дѣятеля и выяснить предъ Вами, почему само Императорское Палестинское Общество считаетъ его своимъ „непосредственнымъ учителемъ“ [4]),

---

[1]) Тамъ же 1893, № 45, стр. 1627—1630.

[2]) Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ., іюнь, 1894, стр. 299—310.

[3]) Можно для счета упомянуть еще о небольшихъ статьяхъ: проф. С. А. Терновскаго „О послѣднихъ дняхъ жизни, кончинѣ и погребеніи настоятеля русской духовной миссіи въ Палестинѣ арх. Антонина“ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1894, т. 2, стр. 161—169), „Слово, сказанное при погребеніи его, арх. Фотіемъ, секретаремъ іерусалимскаго патріарха (Тамъ же, стр. 185—190), о. прот. К. Ѳоменко „На могилѣ о. архим. Антонина, начальника русской прав. миссіи въ Іерусалимѣ“ (Тамъ же, стр. 634—666) и С. И. Пономарева „Памяти о. архим. Антонина“ (Тамъ же, т. 3, стр. 636—652).

[4]) Сообщ. Имп. Пал. Общ. іюнь, 1894, стр. 299.

завѣтами котораго оно руководится въ своей дѣятельности и доселѣ. Спѣшимъ при этомъ оговориться, что мы, не желая навязывать своихъ думъ и мыслей, постараемся большею частію говорить словами о. архимандрита Антонина, оставившаго драгоцѣнный біографическій матеріалъ въ своихъ многочисленныхъ учено-литературныхъ трудахъ и въ подавляющей массѣ корреспонденцій, помѣщенныхъ имъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ.

О. архимандритъ Антонинъ, въ мірѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ, сынъ священника [1]) села Батурина, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ Зауральѣ.

День своего появленія на свѣтъ Божій онъ точно установилъ дневникомъ своего отца, который привѣтствовалъ будущаго востоковѣда слѣдующими словами: „лѣта отъ Р. Х. *1817, августа въ 11 день*, косивши сѣно на покосѣ съ помочанами и отблагодаривши ихъ по вечеру, не хотѣлъ я ночевать въ П**, а спѣшилъ въ темную ночь домой, встрѣтить имѣющее явиться въ міръ мое чадо, а чтобы не скучно было ѣхать въ ночи, пѣлъ я *„Волною морскою“... и канонъ пасхальный* на встрѣчу тебѣ. Около полуночи, достигши дома, уснулъ до утра. Такъ какъ церковь наша вдовствовала безъ священника, а мѣсто было зачислено за мною, то и не случилось *въ 12 число* (день воскресный) ни утрени, ни литургіи, во время которой примѣрно часу въ 8 или 9-мъ родился ты, добрый молодецъ, въ *многобѣдный міръ сей*, при ясномъ красномъ солнышкѣ, теплой и пріятной погодѣ, при закрытыхъ всѣхъ окнахъ. По рождествѣ твоемъ, думаю, отворено было въ горницѣ окно для показанія тебѣ бѣлаго

---

[1]) Предокъ о. архим. Антонина Мих. Капустинъ выходецъ изъ Великаго Устюга. Мать о. Антонина дочь священника Марья Григорьевна Варлакова, мѣстная уроженка.

свѣта. Когда-же мать твоя увидѣла тебя при свѣтѣ, при всей радости, не поглянулся ей твой *высокій носъ*“ [1]).

Какъ показываетъ и приведенная выдержка изъ родительскаго дневника, родная семья о. Антонина не могла похвалиться достаткомъ и жила церковною „ругою“ и трудами рукъ своихъ. „Воспитанный „ругою и требами“, я имѣлъ всю печальную возможность видѣть, говоритъ о себѣ о. Антонинъ, какъ, послѣ оплакиваемой кончины (въ 1865 г.) воспитавшаго меня, остался только деревянный домъ (на пригоркѣ) съ рябиннымъ садикомъ и огородомъ при немъ и положительно ничего болѣе! А между тѣмъ приходъ, питавшій семью нашу, состоялъ, думаю, именно изъ 356 домовъ, если не болѣе“ [2]). При жизни труженика—отца семья Капустиныхъ жила все же въ нѣкоторомъ довольствѣ и обстановкѣ, вполнѣ напоминающей бытъ большинства нашего духовенства первой половины истекшаго XIX столѣтія. Переносясь мыслію къ золотому дѣтству, о. Антонинъ рисуетъ передъ нами картину этой домашней обстановки по случаю храмового праздника въ родномъ селѣ. „Предъ взоромъ неотразимо стоитъ, пишетъ онъ въ запискахъ синайскаго богомольца, сельская, еще недостроенная церковь, полная народа по случаю храмового праздника Преображенія Господня. Напросившійся чтецъ, не принадлежащій собственно „крылосу“, но имѣющій на немъ привиллегированное мѣсто, только что окончилъ первый часъ. Въ крылосное окно чуть проникаетъ свѣтъ начинающагося радостнаго дня. За рѣшеткой его очертываются прямо на югъ силуеты деревянныхъ лавокъ, полныхъ на сей разъ заманчивыхъ для дѣтскаго вкуса товаровъ. Явленіе это повторялось въ селѣ только три раза въ году—въ два храмовые праздника и въ девятую пятницу; слѣдо-

---

[1]) Изъ записокъ синайскаго богомольца (Труд. Кіев. дух. Акад. 1873, мартъ).

[2]) Изъ Румеліи СПБ. 1886, стр. 205—206.

вательно, не даромъ осталось до сихъ поръ (въ 53 года) памятнымъ душѣ. До обѣдни, т. е., до звона „на соборъ“, оставался тоже часовой промежутокъ времени. *Онъ* (т. е. отецъ) уже пошелъ домой изъ церкви и высматриваетъ заглядѣвшагося въ окошко чтеца. Можно поручиться, что дома никому и въ голову не придетъ спать. *Предстоитъ набѣланье самолучшаго платья, прочитыванье апостола, высматриваніе сквозь бальзамины и гераніи* нарядныхъ толпъ, направляющихся къ церкви, *ожиданіе гостей,* и проч. Затѣмъ имѣются въ виду переводъ колоколовъ, свѣтлопарчевыя ризы служащихъ, придворное „Милость мира“, освященіе вишенья (вмѣсто, конечно, винограда), обхожденіе лавокъ съ св. водой и—*цѣлодневныя утѣшенія дома всякаго рода*“ [1]). Впрочемъ, какъ видно, не легко давались описанное довольство и внѣшнее благополучіе труженику—священнику Зауралья села Батурина, идеальный образъ котораго рисовался предъ мысленнымъ взоромъ пятидесятитрехъ лѣтняго синайскаго богомольца въ такихъ обаятельныхъ чертахъ. „Чей-то обликъ неотлучно стоитъ надъ головой *ласковый и молчаливый и неизмѣнно печальный?* О, да, знаю, отвѣчаетъ на свой вопросъ о. архимандритъ Антонинъ. Изъ глубины далекой могилы высматриваешь ты своего чтеца и зовешь „домой“. Но—подожди. Въ окнѣ еще не обрисовалось ясно. Прочитавъ только *первый* часъ,—нѣтъ, прочитаны, конечно, уже и *третій и шестый* и вѣрно чтется монотонно часъ *девятый*. Но—все равно,—приди за мною въ послѣдній часъ покаянія, *часъ единонадесятый*“ [2]).

---

[1]) Изъ записокъ синайскаго богомольца. (Труд. Кіев. дух Акад. 1873, мартъ).

[2]) Тамъ же.

Мирная семейная обстановка, „золотое время“ дѣтства, въ завѣтномъ отчемъ „домѣ“, посреди величественной грозной природы родного села Батурина, за поилицей Солодянкой [1])— все это оставило неизгладимый, глубокій слѣдъ въ впечатлительной душѣ о. архимандрита Антонина и въ пору разцвѣта его силъ физическихъ и духовныхъ нерѣдко служили ему источникомъ самыхъ чистыхъ, отрадныхъ воспоминаній, успокоительно и ободрительно дѣйствовавшихъ на его душу. „Трехмѣсячное пребываніе въ кругу своихъ русскихъ, соединенное съ братскимъ радушіемъ святогорцевъ и съ плѣнительною мѣстностію св. Горы, *напоминавшей мнѣ безпрестанно своими лѣсами далекую родину*, пишетъ о. Антонинъ о своемъ пребываніи на св. Горѣ, держали меня, впрочемъ, постоянно и на Аѳонѣ *подъ тихими и какъ бы родственными впечатлѣніяли дома*“ [2]). „Помню я, говоритъ о. Антонинъ въ другомъ мѣстѣ той же книги, тяжелое величіе сѣвера! Въ его безграничныхъ лѣсахъ, *глухихъ и дремучихъ*— по выраженію народному, среди глубокаго молчанія сырой флегматической жизни земли, стоишь и подавляешься, бывало, неотразимымъ унынiемъ,—рабски чувствуешь свое ничтожество, и не можешь поднять господственнаго взора ни на что. Отдаленный шумъ вѣтра въ верхушкахъ гигантскихъ деревъ ввѣваетъ въ мысль твою тупое и обездушивающее разсѣяніе, а переполненность растительной жизни, дикой и одичающей все, подпадающее вліянію силъ ея,—какъ бы не замѣчающей, какъ бы отрицающей случайно занесенное въ нее, скудное бытіе твое, наполняетъ душу страхомъ. Не разъ я вынужденъ былъ бѣжать изъ грозной пустыни лѣса, чтобы спасти въ себѣ присутствіе духа. Таковъ сѣверъ—severus! Отъ того и подвигъ сѣверный суровъ, непривѣтливъ, какъ бы не милостивъ! Отъ того и подвижникъ нашъ печа-

---

[1]) Поѣздка въ Румелію. СПБ., 1879, стр. 17.

[2]) Замѣтки поклонника св. Горы. Кіевъ. 1864, стр. 376—377.

ленъ, важенъ, строгъ, холоденъ, какъ-бы страшенъ“ [1]). Съ дремучими глухими лѣсами родины невольно связывается воспоминаніе у о. Антонина о русской осени, безжалостно уничтожающей всю красу ихъ и навѣвающей на чувствительную душу иныя впечатлѣнія. „Въ нашей осени, говоритъ о. Антонинъ, есть столько тихой, грустной красоты, столько глубокаго нравственнаго смысла, столько созвучныхъ душѣ, родственныхъ тоновъ, что не желать видѣть ее, кажется, значило бы не желать видѣть самого себя. Нѣтъ! пусть придутъ своимъ чередомъ и осень желтая, и зима сѣдая! Если бы даже за ними не ожидалась весна, и тогда пусть съ равнодушіемъ (если уже нельзя съ радушіемъ) относится къ нимъ пришлецъ и присельникъ міра“! [2]).

Научившись грамотѣ по Псалтири [3]) подъ руководствомъ своего отца, отъ природы чувствительной, нѣжной души, весьма любознательный и впечатлительный „бѣдный парень“, какъ онъ самъ себя называетъ, отвозится въ суровую бурсу Далматовскаго духовнаго училища (1826—30-хъ годовъ), напутствованный благословеніями и слезами „пригорюнившейся и пристально смотрящей на увозимаго въ школу“ родной семьи.

Непривѣтливо встрѣтила бурса новичка, и время, проведенное въ ней въ теченіе пяти лѣтъ, покойный о. архимандритъ прямо называетъ „не веселымъ для себя“. „Наука (латинская и греческая долбня) не давались парню“, пишетъ онъ. „Въ классѣ [4]) онъ сидѣлъ „низко“, къ злоименному по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 140.

[2]) Тамъ же, стр. 376.

[3]) Изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 15.

[4]) „Начальникъ училища былъ завзятый латинистъ. Школьные дни недѣли дѣлились на *латинскіе* и *греческіе*: понедѣльникъ, среда и пятница—латинскіе, остальные—греческіе. Въ стѣнахъ класса ученики обязаны были въ латинскіе дни говорить по-ла-

рогу ходилъ часто, „безъ обѣда“ оставался чуть не по седми разъ въ недѣлѣ, въ „нотатѣ“ почти постоянно значился подъ іероглифами N. B. (non bene) и οὐκ (οὐ καλῶς), въ рѣдкость ER (rans—ошибающійся) и ᶜAM (αρτάνων—погрѣшающій), и почти никогда s(ciens—знающій) и Γ(ινώσκων)—до того, что наиболѣе тужившій о немъ имя-рекъ помышлялъ уже взять „тупицу“ изъ школы и будущаго археолога обратить въ борноволока... Давно все это было и очень далеко отъ Византіи, которую и тогда лѣнивый умъ, впрочемъ, уже ловилъ подъ всякимъ подходящимъ образомъ, а наука, вооруженная „лозой“ и „безобѣдомъ“, постоянно искала закрыть

тыни, и тому, кто проговаривался по-русски, всучивался въ руки calculus. Всѣхъ, у кого онъ побываетъ за день, вносилъ „цензоръ“ въ „записку“, и ожидала неминуемая расправа «у порога», характеризуемая именемъ «березовой каши» и пр. Предъ классомъ всѣхъ учениковъ выслушивали «авдитора» и отмѣчали въ «нотатѣ» знающихъ буквами: s (ciens) и γ (ινώσκων), ошибающихся: er (rans) и ἁμ (αρτάνων), худо знающихъ: nb (non bene) и οὐκ (οὐ καλῶς), совсѣмъ незнающихъ: ns (nesciens) и οὐχ (οὐχί). *Несцитовъ* и *энбеевъ* почти всегда «*пороль*» учитель. *Еранцовъ* и *амартановъ* переслушивалъ и ставилъ «на колѣни», или на мѣстѣ, или тоже «у порога». Случалось, что переспрашивалъ и *сцитовъ* съ *инносками*, и горе авдитору, если они оказывались помѣченными выше своихъ дѣйствительныхъ успѣховъ. Авдиторы, въ свою очередь, тоже «слушались» у другихъ, подслушныхъ другимъ авдиторамъ. Не безъ того, что бывали и злоупотребленія властью со стороны этихъ *тиранчиковъ* въ родѣ прижимокъ, потачекъ и не гласныхъ поборовъ хлѣбомъ, бумагой, перьями, бабками. Между одноавдиторниками бывало такого рода соревнованіе, что невыучившіе «урока» мѣшали всячески выучившему отвѣтить предъ авдиторомъ хорошо. Пишущій сіи строки цѣлыхъ два года не выходилъ изъ *уковъ* и *энбеевъ* только потому, что попалъ въ среду такихъ, для которыхъ и е (произноси: je)*рансъ* былъ предметомъ «зависти». Прим. о. архим. Антонина (Поѣздка въ Румелію, стр. 17—18, прим. 1).

отъ воображенія, *подставляя* ему, *вмѣсто свѣтлаго видѣнія*, мрачный урокъ, урокъ и больше ничего“ [1]). „Aurora musis amica, не даромъ мы когда-то „доказывали“ это въ своей ученической задачкѣ, усыпая „еррорами“ [2]) свою цицеронщину. Не знаешь бывало, за чѣмъ смотрѣть болѣе, мысли ли чтобъ были подходящія, латынь ли чтобъ была безъ ошибокъ, переписано ли чтобъ было аккуратно, тетрадка ли чтобъ была чистенькая, задачка подана въ свое время и проч. *Поневолѣ долженъ былъ дружиться съ музами, сочувствія къ которымъ ничто не вызывало въ тогдашней обстановкѣ жизни*“ [3]).

Но время лучшій врачъ всѣхъ невзгодъ и страданій, и на 53 году своей жизни, подъ кровомъ далекой отъ культурнаго міра Синайской обители, онъ нашелъ возможнымъ сказать нѣсколько теплыхъ словъ и о Далматской обители, гдѣ прошло „не легко“ его золотое дѣтство. „О, далекая полоса земли, съ безвѣстнымъ, но вѣщимъ для меня именемъ, восклицаетъ о. Антонинъ въ своихъ запискахъ синайскаго богомольца, съ монастырскими стѣнами, девятиглавою синаеподобною церковію, троицкими березками, множествомъ дѣтскихъ лицъ и хвалебныхъ голосовъ, *приготовившая почти за полстолѣтія предъ симъ, восторгавшемуся отъ „божественныхъ пѣсней“, юному сердцу* путь на Синай! Вижу тебя присно, говорившую мнѣ и ревомъ волнующагося понта Чермнаго, и голосомъ начинающей Маріамы съ лики и тимпаны, и шумомъ громовъ синайскихъ, и слад-

---

[1]) Поѣздка въ Румелію, стр. 17—18.

[2]) «Error—погрѣшность, которую знаменовала наведенная учителемъ подъ мѣстомъ описки черточка. Сумма такихъ черточекъ выставлялась учителемъ въ концѣ задачи и опредѣляла собою «похвалу», а, при переходѣ въ двѣ цифры, нерѣдко и диверсію «къ порогу». Прим. о. Антонина.

[3]) Поѣздка въ Румелію, стр. 327.

кою манною, и свѣтлымъ облакомъ, вижу тебя даже здѣсь на самой сей, нѣкогда покровенной божественнымъ мракомъ, тряснейся и куривнейся *горѣ Божіей*"![1]) Еще разъ онъ вспомнилъ о дорогой ему Далматовской обители, въ часъ *единонадесятый*, предъ самою смертію, отписавъ, по духовному завѣщанію, *кабинетный крестъ*[2]), который онъ носилъ до гробовой доски на своемъ многострадальномъ сердцѣ...

Въ началѣ 30-хъ годовъ Андрей Капустинъ поступаетъ для продолженія образованія въ Пермскую духовную семинарію[3]), но оставался въ ней до 1836 года. Покинуть родную семинарію и промѣнять ее на Екатеринославскую (1836—1839 г.) побудило его желаніе находиться подъ бдительнымъ окомъ своего дяди по отцу, ректора Екатеринославской семинаріи *Іоны* (магистръ Московской духовной Академіи, впослѣдствіи епископъ Екатеринбурскій), принявшаго на себя дальнѣйшія заботы о его воспитаніи. Переходъ съ сураваго сѣвера на благодатный югъ, подъ вліяніе даровитаго и образованнаго дяди, имѣлъ на него во всѣхъ отношеніяхъ весьма благотворное вліяніе: здѣсь окрѣпъ и развился отъ природы его хилый организмъ и раскрылись во всемъ

---

[1]) Изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 133.

[2]) Труды Кіев. дух Акад. 1894, т. II, стр. 162.

[3]) Въ Пермской духовной семинаріи у Андрея Капустина обнаружились нѣкоторые исключительные таланты. Здѣсь, по словамъ о. Антонина, онъ слылъ за «поэта» и сталъ извѣстенъ въ своемъ кругу «*Далматовскою рекреаціею*». Страсть эта къ стихотворству не покидала о. Антонина и въ Екатеринославской семинаріи, гдѣ онъ написалъ въ стихахъ «Седмицу страстей Христовыхъ», напечатанную въ Кіевѣ въ 1850 г. отдѣльною брошюрою (С. Венгеровъ, „Критико-библіограф. словарь русскихъ писателей и ученыхъ". СПБ. 1889, т. 1, стр. 628, прим.) и потомъ даже на службѣ на Востокѣ до конца дней жизни (Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. 3, стр. 634).

блескѣ недюжинныя природныя дарованія ума и воли. За свои незаурядные успѣхи въ греческомъ языкѣ Андрей Капустинъ, будучи семинаристомъ высшаго отдѣленія, назначенъ былъ лекторомъ этого языка въ 1837—1839 годахъ въ низшемъ отдѣленіи воспитавшей его семинаріи, съ платою по 100 рублей ассигнаціями въ годъ.

Какъ лучшій воспитанникъ, онъ, по окончанія курса въ семинаріи, поступилъ въ 1839 году въ Кіевскую духовную Академію въ составъ XI курса (1839—1843). По окончаніи курса со степенью магистра богословія [1]), какъ юноша, подающій большія надежды, Андрей Капустинъ 25 октября 1843 года былъ назначенъ баккалавромъ Академіи по нѣмецкому языку, который скоро же (1 іюня 1845) смѣнилъ болѣе любимымъ—языкомъ греческимъ. Въ 1845 году, 7 ноября, Андрей Капустинъ принимаетъ отъ рукъ Кіевскаго митрополита Филарета монашество съ именемъ *Антонина* и рукополагается 18 ноября въ іеродіакона, а 21 того же мѣсяца въ іеромонаха. „Поступленіе въ монашество, по словамъ Н. В. Хитрово, было для него, какъ кажется, дѣломъ случая, тѣмъ неисповѣдимымъ, непонятнымъ для насъ, вожденіемъ Божіимъ, намѣчающимъ пути, по которымъ намъ приходиться идти, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета, отчего именно мы пошли скорѣе по этой, чѣмъ по другой жизненной дорогѣ. Монахомъ, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, архимандритъ Антонинъ никогда не былъ, и на это онъ самъ неоднократно указывалъ. Никогда не жилъ онъ въ монастырѣ, никогда онъ не проходилъ никакихъ монашескихъ послушаній. А между тѣмъ кто допускался до комнаты, гдѣ онъ проводилъ свою жизнь въ Іерусалимѣ, кто видѣлъ, какъ, даже въ пути, онъ скорѣе голодалъ, чѣмъ разрѣшить себѣ недозволенное

[1]) Степени магистра о. Антонинъ былъ удостоенъ 29 октября 1845 года.

мясное, что такъ обыденно на Востокѣ среди даже высшихъ іерарховъ и, наконецъ, кто не разъ заставалъ его за починкою своей ветхой рясы, тотъ долженъ былъ сознаться, что по духу онъ былъ болѣе монахъ, чѣмъ монахи, живущіе въ кельѣ“ [1]). Но мы едвали ошибемся, если скажемъ, что ближайшимъ толчкомъ къ монашеству для о. архимандрита Антонина послужило постриженіе въ иночество, 11 октября 1844 года, Петра Семеновича Авсенева, съ именемъ Ѳеофана, профессора философскихъ наукъ въ обоихъ нашихъ Кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ духовной Академіи и въ Университетѣ Св. Владиміра, привлекавшаго къ себѣ чистотою своей души и глубиною философскаго мышленія „повергавшаго весь классъ въ глубокое размышленіе“. Съ этимъ человѣкомъ о. Антонинъ сблизился до интимной дружбы, вѣрность которой онъ потомъ хранилъ всю жизнь [2]), подчинился обаянію его высоконравственной личности, старался слѣдовать по его стопамъ, поддерживая и въ разлукѣ съ нимъ самую живую связь въ непрерывной перепискѣ.

Съ принятіемъ монашества о. Антонинъ еще разъ перемѣнилъ свою спеціальность, перейдя (31 октября 1847 года) [3]) съ греческаго языка на герменевтику или изъясненіе

---

[1]) Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. 1894, іюнь, стр. 300—301; сн. Изъ Румеліи, стр. 448, 498—499.

[2]) Плодомъ этого благоговѣйнаго почтенія къ памяти почившаго своего профессора и личнаго друга является съ глубокимъ искреннимъ чувствомъ написанный о. Антониномъ некрологъ архимандрита Ѳеофана Авсенева, послѣ посѣщенія его могилы въ Римѣ, гдѣ скончался этотъ почтеннѣйшій профессоръ нашей Академіи. Журн. Мин. Народн. Просв. 1853, мартъ, отд. VII, стр. 101—108.

[3]) Съ 24 октября 1846 по 17 ноября 1847 года о. Антонинъ временно читалъ лекціи по нравственному богословію. 15 февраля 1847 года былъ назначенъ членомъ внутренняго правленія по учебной части.

Священнаго Писанія и обличительное богословіе, каковую каѳедру и занималъ до выхода изъ Академіи почти три года. „Въ преданіяхъ старѣйшихъ представителей Академіи, пишетъ о профессорской службѣ о. Антонина приснопамятный въ лѣтописяхъ нашей школы покойный И. И. Малышевскій, отмѣчены характеристическія черты его, какъ преподавателя послѣднихъ двухъ предметовъ, особенно герменевтики, *производившаго глубокое впечатлѣніе*[1]) на слушателей пріемами тонкаго анализа въ разъясненіи научныхъ положеній, въ объясненіи трудныхъ мѣстъ въ текстѣ Священнаго Писанія“ [2]).

11 сентября 1846 года о. Антонинъ принялъ на себя обязанности помощника инспектора Академіи и несъ ихъ до 1850 года. Служебныя непріятности, возникшія у него по инспекціи въ Академіи, лишеніе незамѣнимаго друга и нравственной опоры въ лицѣ инспектора Академіи о. архимандрита Ѳеофана Авсенева, по болѣзни, оставившаго службу при Академіи и получившаго мѣсто настоятеля при посольской церкви въ Римѣ, и, наконецъ, постоянное *„съ дѣтства влеченіе души* его къ Византіи, какъ духовной родинѣ“ [3]), и вообще на Востокъ—все это вмѣстѣ взятое побудило и о. Антонина оставить службу при Академіи и искать себѣ мѣста настоятеля при церкви нашей миссіи въ Аѳинахъ.

---

[1]) Доставались эти профессорскіе успѣхи о. Антонину не легко. О безсонныхъ профессорскихъ ночахъ, онъ и въ позднѣйшее время вспоминалъ, приводя на память горькимъ опытомъ дознанную правдивость изреченія Апостола: *спящіи въ нощи спятъ* (Солун. V, 7). „Было время, пишетъ онъ, когда я, по указанію нужды профессурной, долженъ былъ проходить вниманіемъ это выраженіе Апостола, казавшееся мнѣ (дотолѣ, конечно) лишеннымъ особеннаго значенія“. (Поѣздка въ Румелію, стр. 159—160).

[2]) Церков. Вѣдом. 1893 г. № 45, стр. 1628; Сн. Извлеч. изъ проток. Совѣта Кіев. дух. Академіи за $18^{92}/_{93}$ учебн. годъ, стр. 113.

[3]) Изъ Румеліи, стр. 613.

„Кіевлянину стало припоминаться, пишетъ о. Антонинъ въ объясненіе своего влеченія на Востокъ, что въ то время еще, когда онъ думалъ о Кіевѣ, какъ о счастіи другого міра, ему казалось, что за Печерскою картиною скрывается другая, и не одна,—далѣе ея, лучше ея, таинственнѣе,—что *Кіевъ есть только перепутье въ Іерусалимъ*—въ рай. И точно. Скоро святыня первопрестольнаго города Руси стала казаться ему неполною, теплота недостаточною, тысячелѣтняя древность слишкомъ свѣжею, князь Владиміръ—только отсвѣтомъ царя Багрянороднаго. Душа плѣнилась уже другими образами. Несравненно свѣтлѣйшія точки блестятъ ему—до ослѣпленія—на темной перспективѣ будущаго“ [1]). „Востокъ есть колыбель человѣчества. Довольно сказать это, замѣчаетъ о. Антонинъ по другому случаю, чтобы сдѣлать мысленный поклонъ въ ту сторону, „откуда свѣтъ истекъ“. Человѣку, любящему припоминать дни древніе и помышлять о лѣтахъ вѣчныхъ, *нѣтъ пригоднѣе мѣста для этого, тоже въ своемъ родѣ умнаго дѣланія*, какъ Византія, отъ котораго и безъ того на русскую душу вѣетъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ, но такимъ давнимъ, что теряются всѣ различительныя черты дорогого образа и остается въ душѣ одно общее представленіе *чего-то неодолимо влекущаго*, какъ память о матери у человѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ“ [2]).

На перепутьи къ Византіи и Іерусалиму для о. Антонина, однакожъ, стояла Грецiя, куда онъ получилъ назначеніе 15 мая 1850 года. „Одного слова этого довольно для меня, пишетъ о. Антонинъ, чтобы вдругъ охватиться чувствомъ несказаннаго блага, какого-то духовнаго родства, жалѣнія, умиленія, забытья... Обратившійся уже весь въ идеалы,

---

[1]) Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 2.

[2]) Поѣздка въ Румелію, стр. 7.

классическій міръ неотразимо влечетъ меня къ себѣ напрашивающимися и дружески помавающими, не въ мѣру, конечно, преувеличенными представленіями всего юнаго, живого легкаго, свѣтлаго, цвѣтущаго и радующаго. А тутъ еще самый обликъ его сіяющій, рѣющій, утопающій въ синевѣ моря и лазури неба"! [1]). „Каменистая, безлѣсная, ненаселенная и вообще неприглядная Аттика, *десять лѣтъ*, пишетъ о своемъ пребываніи въ Аѳинахъ о. Антонинъ, неустанно очаровывала меня своимъ тонкимъ ароматическимъ воздухомъ, своимъ яснымъ небомъ, своимъ почти непрекращающимся ведромъ, тепломъ, свѣтомъ... а всего болѣе своимъ неисчерпаемымъ прошедшимъ, полнымъ самыхъ живыхъ, привлекательныхъ, какъ бы вѣчно свѣжихъ, юныхъ, цвѣтущихъ образовъ. Ее, ненаглядную, я многократно ѣздилъ обозрѣвать всю „во мгновеніе ока" съ сосѣдней громады горной, именуемой *Имиттомъ*, и раза два для той же цѣли взбирался еще на болѣе высокую точку, на вершину Пентелика, съ которой самъ Имиттосъ казался ровнымъ полемъ" [2]).

Но за восторгами и увлеченіями прошлымъ прекрасной Греціи и „неприглядной" Аттики у любознательнаго и трудолюбиваго о. Антонина, къ слову сказать, здѣсь же въ Аѳинахъ, въ соборной церкви, 5 апрѣля 1853 года, возведеннаго, по указу Св. Синода, въ санъ архимандрита митрополитомъ аѳинскимъ Неофитомъ, слѣдовала серьезная кропотливая и настойчивая работа и для самообразованія, и для науки, и на славу русскаго народа, горячо имъ всегда любимаго. Здѣсь въ Аѳинахъ, въ теченіе десятилѣтняго пребыванія, имъ положены прочныя основанія для будущей его весьма плодотворной научной и практической дѣятельности въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ, сдѣлавшей его

---

[1]) Изъ Румеліи, стр. 453.

[2]) Тамъ же, стр. 598.

имя извѣстнымъ далеко за предѣлами родины и предметомъ благовѣйнаго почтенія и изумленія всѣхъ тѣхъ, кому выпадала на долю счастливая возможность ближе познакомиться съ дѣятельностію этого по истинѣ русскаго гиганта мысли и воли... По водвореніи въ Аѳинахъ, о. Антонинъ прежде всего рѣшился заняться устройствомъ здѣсь русской церкви во имя Св. Троицы (иначе св. Никодима), которая, по его сознанію, „до времени ея возобновленія возбуждала въ немъ чуть не слезы своимъ достоплачевнымъ видомъ [1]), и *заставила его, не смотря ни на что, взять судьбу ея въ свои пустыя и слабыя руки*“ [2]). „Это, безъ сомнѣнія, по словамъ о. Антонина, есть рѣдкій обращикъ византійской архитектуры изъ эпохи ея процвѣтанія, рѣдкій и по своеобразности плана, и по изяществу, и по размѣрамъ (сравнительно съ другими памятниками въ Греціи одного съ нимъ времени), и даже по сохранности. *Для меня*, прибавляетъ о. архимандритъ, *онъ былъ даровою, долговременною и самою пріятною школою изученія христіанскихъ древностей. Мы, такъ сказать, подали другъ другу руку помощи*“ [3]). „Я разсказалъ г. Панагіоти *Ромботи* (извѣстному ученому археологу), свидѣтельствуетъ создатель храма св. Троицы, всю исторію возобновленія прекраснаго храма, *со всѣми ея грустными и радо-*

---

[1]) „Надобно было видѣть, говоритъ о. Антонинъ, въ какомъ достожалостномъ видѣ стояли еще въ 1850 г. развалины прекраснаго зданія, и какому не пишемому посрамленію подвергались особенно въ ночное время, чтобы понять всю мою безграничную любовь къ нимъ, преобразившимся, по манію русскаго правительства, въ вещь непаглядную—bijou, какъ назвалъ нашу св. Троицу въ 1856 г. возвращавшійся изъ Крыма, побѣдоносный duc de Malakoff.“. Изъ Румеліи, стр. 584.

[2]) Изъ Румеліи, стр. 469.

[3]) Тамъ же, стр. 583—584.

сными перипетіями, въ которыхъ недостатка не было, указалъ и на христіанскій *Панаѳинеонъ* [1]), которымъ могутъ любоваться и хвалиться „мужи аѳинейстіи“, изучая его въ лицахъ на стѣнахъ нашей церкви. Мы вмѣстѣ облазили даже обширныя подземелья, простирающіяся подъ церковью и подъ церковною оградою и принадлежащія еще языческимъ Аѳинамъ. Все это дѣлалось мною съ жалѣніемъ и умиленіемъ, поставившимъ меня даже на верхъ нашей изящной башни—колокольни, *тоже дѣтища моей мысли*, имѣвшаго тоже свои перипетіи“ [2])...

Послѣ развалинъ храма Никодима или св. Троицы о. Антонинъ не менѣе усердно занимался въ Аѳинахъ христіанскими надписями, „отысканными имъ въ значительномъ количествѣ на ложбинахъ (капеллюрахъ) периметра нѣкоторыхъ колоннъ перестиля Парѳенона, преимущественно на западномъ фасадѣ его“ [3]). Вотъ какими словами привѣтствовалъ, по возвращеніи въ Аѳины изъ Румеліи, о. архимандритъ Антонинъ это удивительное и дивное въ своихъ даже развалинахъ произведеніе Иктина и Каликрата: „Привѣтствую въ *несчетный разъ* преименитое зданіе, которое въ былое время считалъ настолько знакомымъ и *какъ бы своимъ*, что могъ всѣ подробности его воспроизводить въ

---

[1]) „Пользуясь свободою ктитора, настоятеля и главнаго направителя по возобновленію нашей Аѳинской посольской церкви, я провелъ мысль свою покрыть стѣны ея (собственно говоря, столбы) *изображеніями святыхъ, или родившихся въ Аѳинахъ, или умершихъ, или просто жившихъ тамъ, однимъ словомъ бывшихъ въ Аѳинахъ*“. Прим. архим. Антонина.

[2]) Изъ Румеліи, стр. 609.

[3]) Тамъ же, стр. 593. Сочувственную оцѣнку его работъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ покойный византологъ В. Г. Васильевскій въ Критико-библіограф. словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, т. 1, стр. 630—631.

памяти во всякій потребный моментъ“ [1]). „Работа эта (т. е. занятіе надписями въ Парѳенонѣ), доставившая мнѣ лѣтъ 10 тому назадъ, пишетъ о. Антонинъ послѣ поѣздки въ Румелію, такое высокое удовольствіе, сдѣлалась достояніемъ читающей публики въ 1856 г. чрезъ аѳинскую археологическую газету № 43, гдѣ, всѣ 80 сдѣланныхъ мною копій надписей, отлитографированы, къ сожалѣнію, весьма неудачно на шести таблицахъ, вмѣстѣ съ моимъ же планомъ древнихъ подземелій, открытыхъ мною подъ Никодимовою церковью, служащимъ поясненіемъ къ статьѣ моей въ томъ же номерѣ газеты о произведенныхъ мною подъ церковью раскопкахъ“ [2]).

Практическая археологическая школа, пройденная о. Антониномъ въ Аѳинахъ подъ руководствомъ отчасти такихъ знатоковъ древностей, какъ, напр., *Ромботи*, принесла ему несомнѣнно громадную пользу въ его послѣдующей научной дѣятельности. Но едва-ли не самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для него въ Аѳинахъ было знакомство съ живою разговорною греческою рѣчью „во всей полнотѣ ея совершенствъ и недостатковъ“ [3]) и изученіе греческихъ нравовъ и обычаевъ также со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. На греческомъ языкѣ о. архимандритъ писалъ, какъ показываетъ и его собственное признаніе, уже въ 1856 году, и стиль его считался, какъ мы лично слышали, образцовымъ даже научно образованными греками. Этому чуждому языку онъ даже принесъ въ жертву свой родной русскій языкъ. „Въ теченіе девятилѣтняго пребыванія въ Греціи,

[1]) Изъ Румеліи, стр. 592.

[2]) Тамъ же, стр. 593. Русское Императорское археологическое Общество издало въ 1874 г. его сборникъ надписей подъ заглавіемъ «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ». Статья съ планомъ храма Никодима напечатана во II томѣ, въ 3 в. «Извѣстій» этого Общества за 1859 г.

[3]) Изъ Румеліи, стр. 250.

признавался покойный о. Антонинъ во время своего пребыванія на Аѳонѣ еще въ 1859 году, я значительно отвыкъ и *отъ русской бесѣды* и отъ русской природы. Физическая обстановка св. Горы и рѣчь соотчичей, почти исключительно слышанная мною въ теченіе столькихъ дней, освѣжительно подѣйствовали на *мое уже космополитировавшееся чувство. Къ концу гостьбы своей на Горѣ я пересталъ уже ошибаться въ разговорѣ съ русскими братіями, ввертывая греческія слова, какъ это было со мною вначалѣ, къ моему собственному стыду и удивленію.* Запасшись *духомъ русскимъ*, я съ охотою возвращался въ стихію эллинскую, чтобы съ новою силою продолжать тушить ея жгучій пламень политическаго броженія хладнымъ дыханіемъ сѣвернаго равнодушія къ политическимъ формамъ жизни“ [1]).

Отсюда, изъ Аѳинъ, обыкновенно въ „лѣтнее время, дѣлавшее тяжкимъ пребываніе на каменистой почвѣ Аттики подъ палящими лучами солнца“ [2]), въ цѣляхъ самообразованія [3]), о. архимандритъ Антонинъ предпринималъ научныя

---

[1]) Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 377. Не безъинтересны слѣдующія откровенныя признанія о. архим. Антонина о его вынужденномъ грекофильствѣ. „Много разъ странствуя тамъ и сямъ по Востоку, *я нудился ставить себя въ положеніе* грека, говоритъ онъ, чтобы живѣе и, такъ сказать, первобытнѣе были тѣ впечатлѣнія, кои неслись на сердце отъ той или другой исторической мѣстности, совсѣмъ иначе, конечно, говорящей въ *родной* слухъ греческій, чѣмъ въ слухъ туриста, даже изслѣдователя-историка, *даже отъявленнаго византиста*, по чужеплеменника“. Поѣздка въ Румелію, стр. 21.

[2]) Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 3.

[3]) „Въ первый разъ путешественникъ въ Св. Землѣ, по словамъ о. архим. Антонина, можетъ быть, съ прискорбіемъ замѣтитъ, что между созданными имъ самимъ образами библейскими и между дѣйствительностію, есть разница, часто безмѣрная. Его представленія городовъ, деревень, полей, лѣсовъ и рѣкъ, упоминаемыхъ въ св. исторіи, неожиданно оказываются

экскурсіи и „въ вѣчный Римъ“, и „въ Ѳивы великія стоврат-ныя и въ Ѳивы семивратныя“, и въ Іерусалимъ, и на Аѳонъ [1]). Плодомъ двухъ послѣднихъ путешествій его въ 1857 году въ Іерусалимъ были, не лишенныя значенія для его послѣ-дующей дѣятельности въ Палестинѣ, статьи: „Пять дней на Святой Землѣ“ (изъ записокъ поклонника) (Душепол. Чтен. 1866 № 1—4) и на Аѳонъ въ 1859 году—превосходная въ научномъ отношеніи, не потерявшая значенія и до настоя-щаго времени [2]), книга подъ заглавіемъ: „Замѣтки поклон-ника святой Горы“ (Кіев. изд. 1864 г.).

Весьма плодотворная и энергичная дѣятельность о. Анто-нина въ Аѳинахъ снискала ему благоволеніе такого мудраго и прозорливаго іерарха русской церкви, какимъ былъ присно-памятный митрополитъ московскій Филаретъ. Послѣдній еще въ декабрѣ 1859 года рекомендовалъ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому „не безъ пользы“ для дѣлъ

для него невѣрными, простымъ сколкомъ окружавшихъ его до-толѣ предметовъ. Тяжело, *но полезно такое разочарованіе.* Оно приготовляетъ поклонника къ выходу изъ той исключитель-ности, въ которую его невольно поставила его привычка ви-дѣть одно и то же у себя на родинѣ,—*оно расширитъ его, боль-шею частію, ограниченный кругъ зрѣнія на предметы знанія и вѣ-ры, и если не тотчасъ, то мало-по-малу пріучитъ его къ умѣрен-ности и терпимости,* столько нужной тому, кто рѣшился при-несть на гробъ Господень дань и своей признательной души вмѣстѣ съ тысячами другихъ, подобныхъ ему пришельцевъ, ча-сто не похожихъ на него ничѣмъ, кромѣ одного образа чело-вѣческаго и имени христіанскаго“. Душеп. Чтен. 1866, январь, отд. II, стр. 7—8.

[1]) Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 3; Поѣздка въ Ру-мелію, стр. 344.

[2]) Довольно любопытно, что эта книга, въ научномъ от-ношеніи стоящая не только не ниже, но даже выше его «По-ѣздки на Синай», обойдена полнымъ молчаніемъ проф. В. Г. Васильевскимъ.

церковныхъ перевести о. архимандрита Антонина въ Константинополь [1]) и возлагалъ большія надежды на его плодотворную дѣятельность и на этомъ болѣе отвѣтственномъ посту [2]). Совѣтъ мудраго архипастыря былъ принятъ къ свѣдѣнію, и 18 сентября 1860 года состоялся переводъ о. Антонина настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополь или въ Византію, которая, по его собственному признанію, „неодолимо влекла“ его къ себѣ.

Въ Константинополѣ о. архимандрита Антонина ожидала живая, кипучая [3]) церковно-политическая дѣятельность и настоятельная необходимость встать въ близкія постоянныя сношенія съ главою Великой Церкви, вселенскимъ патріархомъ, высшимъ восточнымъ духовенствомъ, почтеннѣйшими представителями греческой національности въ Константинополѣ, какъ, напр., придворный врачъ Стефанъ *Каравеодорѝ* и др. и нашимъ русскимъ дипломатическимъ корпусомъ, безъ содѣйствія и энергической поддержки котораго немыслима никакая плодотворная дѣятельность на православномъ Востокѣ. О. архимандритъ volens nolens попадаетъ въ дипломатическую школу, и вынесенные изъ нея горькимъ опытомъ уроки въ послѣдующей его дѣятельности принесли ему несомнѣнную пользу. На о. архимандрита возлагаются въ это время Св. Синодомъ посредничество предъ патріархомъ константинопольскимъ Іоакимомъ II по дѣлу о болгаро-уніатскомъ епископѣ Іосифѣ [4]) и вообще по греко-болгарскимъ

---

[1]) Арх. Савва. Собран. мнѣн. и отзыв. Филарета, митроп. моск. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ. СПБ. 1886, стр. 72.

[2]) Тамъ же, стр. 207, 247, 445 и др.

[3]) Въ письмѣ своемъ отъ 30 октября 1862 г. къ арх. Порфирію (Успенскому) о арх. Антонинѣ жаловался, что у него «*сто занятій идутъ рядомъ, мѣшая одно другому*» (Труды Кіев. дух. Акад. 1867, т. IV, стр. 288).

[4]) Арх. Савва. Собран. мнѣн. и отзыв. митроп. Филарета по дѣламъ прав. цер. на Востокѣ, стр. 207, 311, 327—329, 395;

дѣламъ [1]), по поводу вступленія на вселенскій престолъ Софронія [2]), относительно поднесенія патріархамъ и архіепископу синайскому изданнаго въ свѣтъ пресловутаго Синайскаго кодекса Библіи [3]), справки на Аѳонѣ по поводу поднесенія самого кодекса Императору Николаю I-му [4]), и др.; слѣдственныя порученія на Аѳонъ въ 1863 году и въ Іерусалимъ въ 1865 году по поводу возмущеній членовъ тамошней миссіи противъ своего начальника архимандрита Леонида Кавелина (1863—1865 гг.), впослѣдствіи намѣстника Троице-Сергіевской лавры въ Посадѣ и др. [5]).

Чрезвычайное разнообразіе порученій и ихъ нерѣдко щекотливость требовали со стороны о. архимандрита Антонина особой проницательной осторожности и, такъ сказать, дипломатичности, а по этому и отнимали у него много времени на выполненіе ихъ. Правда, его труды въ этомъ направленіи не всегда увѣнчивались желательнымъ успѣхомъ и не всегда признавались со стороны высшей власти „удовлетворительными“ [6]) и „соотвѣтствующими его достоинству“ [7]). Но несомнѣнно они сильно мѣшали о. архимандриту въ его любимыхъ занятіяхъ византиновѣдѣніемъ [8]), которое „неодолимо влекло“ его къ себѣ особенно послѣ той непрестанной

Собр. мнѣн. и отзыв. по уч. и церков.-госуд. вопр., т. V, ч. 1, стр. 201.

[1]) Тамъ же, стр. 247, 255, 274, 282, 316, 354.

[2]) Арх. Савва. Собр. мнѣн. и отзыв. по учебнымъ и церковно-госуд. вопр. М. 1887, т. V, ч. 1, 487—490.

[3]) Тамъ же, стр. 366, 368.

[4]) Тамъ же, стр. 368.

[5]) Арх. Савва. Собр. мн. и отз. Филарета, митроп. моск. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 440—441, 445—456.

[6]) Тамъ же, стр. 456.

[7]) Тамъ же, стр. 446.

[8]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1867, т. IV, стр. 288.

работы въ этомъ направленіи, какая была возможна для него въ счастливой Греціи.

Но и въ Константинополѣ лишь только находилось свободное время отъ исполненія своихъ прямыхъ по должности обязанностей, или если представлялся къ тому удобный счастливый случай, онъ не терялъ ни того ни другого и стремился использовать ихъ съ возможною добросовѣстностію въ интересахъ научныхъ. Къ этому времени относятся его „Поѣздка въ Виѳинію“ (Христ. Чтен. 1862, II; 1863, I и II), „Поѣздка въ Румелію“ (въ двухъ обширныхъ томахъ Спб. 1879 и 1886), прекрасная въ научномъ отношеніи статья „Замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ крымскому городу Сугдеѣ“ (Записк. Одесскаго археол. общ. 1863, т. V, стр. 595—628. Отзывъ о ней у В. Г. Васильевскаго въ Критико-библіографическомъ словарѣ. А. Венгерова, т. I, стр. 629—630) и нѣкоторыя другія ученыя работы и статьи [1]), напечатанныя въ разныхъ богословскихъ журналахъ и оставшіяся въ рукописяхъ [2]). Поѣздка въ Румелію, продолжавшаяся съ мая 1865 г. по іюль, по обилію научныхъ данныхъ, собранныхъ въ двухъ обширныхъ томахъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ промежуткомъ въ шесть лѣтъ, не теряетъ своего научнаго интереса [3]), не смотря даже на появленіе въ печати спеціальнаго труда епи-

---

[1]) Сравнительно подробный перечень трудовъ о. архим. Антонина сдѣланъ его великимъ почитателемъ, извѣстнымъ библіографомъ С. И. Пономаревымъ въ статьѣ: „Памяти о. арх. Антонина“ (Труды Кіев. дух. Акад. 1894, ч. 3, стр. 636—648).

[2]) Мы разумѣемъ научное описаніе рукописей библіотеки Святогробскаго метоха въ Константинополѣ, въ Фанарѣ, составленное имъ въ 1862 г. въ товариществѣ съ проф. *Кириакидисомъ* (А. Дмитріевскій. Путешеств. по Востоку и его научные результаты. Кіев. 1890, стр. 6, прим. 1).

[3]) См. отзывъ о ней проф. В. Г. Васильевскаго въ Критико-библіограф. словарѣ русск. писат. и ученыхъ, С. А. Венгерова, т. 1, стр. 633—635.

скопа Порфирія Успенскаго: „Востокъ Христіанскій. Путешествіе въ метеорскіе и осоолимпійскіе монастыри въ Θессаліи". Спб. 1896 г.

Румелійская поѣздка была послѣднею данью о. архимандрита Антонина по отношенію къ изученію Византіи непосредственно на мѣстѣ. По возвращеніи изъ Румеліи и Θессаліи въ Аѳины, о. Антонинъ телеграммою г. посла графа Н. П. Игнатьева вызывается въ Константинополь [1]) и, по указанію его и не безъ согласія Св. Синода [2]), немедленно командируется въ Іерусалимъ съ цѣлью произвести тщательное разслѣдованіе по дѣлу о безпорядкахъ въ нашей миссіи. Вступая въ стѣны ея 11 сентября 1865 г., о. архимандритъ Антонинъ и не помышлялъ, конечно, что онъ будетъ вынесенъ отсюда на Елеонъ лишь въ гробу...

Трудныя и тяжелыя времена переживала наша русская миссія въ Іерусалимѣ, когда переступилъ ея порогъ будущій начальникъ о. архимандритъ Антонинъ. Враги и недоброжелатели русской церкви и ея успѣховъ въ Палестинѣ, православные и инославные, чужіе и даже свои торжествовали, добившись громаднаго успѣха, который, по мѣткому замѣчанію о. Антонина, „Гибону (протестантскому епископу—миссіонеру Палестины) и К° и во снѣ не могъ привидѣться",—а именно, удаленія изъ Палестины русскаго епископа Кирилла, человѣка образованнаго, твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и энергически настойчиваго въ дѣлѣ, за которое онъ принимался. „Въ іерусалимской Кирилловской исторіи, говоритъ о. Антонинъ, мы перенесли, *совсѣмъ незаслуженно*, не одно искушеніе. Насъ оболгали, осмѣяли, огорчили тѣ, кого мы

---

[1]) Изъ Румеліи, стр. 580.

[2]) Указъ Св. Синода о назначеніи о. Антонина *завѣдующимъ* миссіею помѣченъ 16 іюля 1865. Сн. арх. Савва. Собр. мн. и отз. по дѣл. прав. церкви на Востокѣ, стр. 440.

беззавѣтно поили, кормили и на рукахъ носили“ [1]). Намекъ дѣлается въ сторону высшаго іерусалимскаго духовенства. Но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія тормоза и со стороны своихъ русскихъ—русскаго іерусалимскаго консула и, такъ называвшагося, Палестинскаго Комитета, которымъ весьма и весьма мѣшалъ слишкомъ „высокій іерархическій санъ начальника іерусалимской миссіи и которые напрасно мечтали, что создавшіяся въ Палестинѣ „затрудненія“ исчезнутъ, когда „духовная миссія будетъ поставлена подъ начальство благочестиваго и способнаго *архимандрита*“ [2]). Задуманное несправедливое дѣло было такъ или иначе доведено до желаннаго конца: епископъ мелитопольскій Кириллъ удаленъ въ Россію на викаріатство, а на его мѣсто назначенъ архимандритъ *Леонидъ Кавелинъ*, по отзыву митрополита Филарета, „проходившій монашескую жизнь въ обители, преимущественно извѣстной духовнымъ благоустройствомъ, *долгое время съ несомнѣннымъ достоинствомъ*“ [3]).

Но выиграло ли отъ перемѣны лицъ и іерархическаго положенія начальника нашей миссіи дѣло православія въ Палестинѣ, и въ нашей миссіи въ Іерусалимѣ водворился ли желанный миръ?—Ничуть не бывало.

Спустя годъ съ небольшимъ (13 апр. 1865), патріархъ іерусалимскій Кириллъ въ особомъ посланіи къ нашему Св. Синоду уже обвинялъ о. архимандрита Леонида „въ безпорядочномъ, безчинномъ и беззаконномъ поведеніи“, указывалъ на то, что онъ находится „въ открытомъ разрывѣ съ императорскимъ россійскимъ консульствомъ“ и противъ себя возбудилъ „вообще неудовольствіе русскихъ поклонниковъ“, прося въ то же время „замѣнить сказаннаго архиман-

---

[1]) Церк. Вѣстн. 1877, № 41, стр. 8.

[2]) Арх. Савва. Собран. мнѣн. и отзыв. Филарета, митроп. москов. по дѣламъ пр. церкви на Востокѣ, стр. 398.

[3]) Тамъ же, стр. 437.

дрита Леонида „какимъ-либо другимъ лицомъ“ и рекомендуя „отеческой любви“ іеромонаха Іоанна и іеродіакона Арсенія [1]), возмутившихся главнымъ образомъ противъ своего начальника. Въ дѣйствительности и на этотъ разъ однѣ и тѣ же причины вызвали столкновенія двухъ русскихъ представителей въ Палестинѣ—консула и начальника миссіи, и создали тѣ же послѣдствія, какими сопровождалось удаленіе изъ Палестины и преосвященнаго Кирилла мелитопольскаго. Патріархъ и его приспѣшники, а равно и консульство наше, ободренные успѣхомъ въ первомъ случаѣ, разсчитывали отдѣлаться отъ сильнаго человѣка весьма легко, ибо имѣли дѣло не съ епископомъ, но лишь съ архимандритомъ. Однакоже, неожиданно всѣ они ошиблись въ своихъ расчетахъ: на сторону о. архимандрита рѣшительнымъ образомъ всталъ приснопамятный московскій митрополитъ Филаретъ и своимъ высокимъ покровительствомъ спасъ репутацію о. Леонида, который перемѣщенъ былъ въ Константинополь на должность настоятеля русской посольской церкви. Митрополитъ Филаретъ не соглашался даже избрать архимандрита Антонина „посредникомъ и примирителемъ“ между о. Леонидомъ, съ одной стороны, и патріархомъ іерусалимскимъ и русскимъ консуломъ, съ другой, но рекомендовалъ о. Антонину „принять миссію и управлять ею, извлекая изъ несчастнаго опыта предшественника *правила осторожности*“ [2]). Когда же, по прибытіи въ Іерусалимъ, о. архимандритъ Антонинъ представилъ (отъ 18 дек. 1865 г.) донесеніе въ Св. Синодъ „о неустройствахъ въ іерусалимской духовной миссіи“, то митрополитъ Филаретъ, по прочтеніи его, выразилъ „чувство скорби и о томъ, что непріятное дѣло не выходитъ изъ запутанности, и о бѣдномъ архимандритѣ Леонидѣ, на котораго одного обрушиваютъ всю тяжесть сего дѣла, *мимо винов-*

[1]) Тамъ же, стр. 436, прим.
[2]) Тамъ же, стр. 441.

ныхъ болѣе его, и, наконецъ, о самомъ *архимандритѣ Антонинѣ, служащемъ съ признаками достоинства и съ надеждою болѣе значительнаго и болѣе полезнаго служенія*, но въ настоящемъ дѣлѣ, представившемъ опытъ, не соотвѣтствующій его достоинству“ [1]).

Справедливость требуетъ сказать, что о. Антонинъ въ дѣлѣ о „неустройствахъ Іерусалимской духовной миссіи“ обнаружилъ замѣтное колебаніе, которое митрополитъ Филаретъ предусматривалъ еще предъ отправленіемъ его въ Палестину. „Если посланъ будетъ въ Іерусалимъ архимандритъ Антонинъ, то съ какимъ порученіемъ? спрашивалъ московскій владыка. Если въ качествѣ посредника или примирителя, то *можно ли ожидать успѣха?* Дѣйствуя скромно и мирно, рѣшится ли онъ при томъ сказать *нѣкоторыя твердыя слова патріарху*, чтобы разрѣшить его предубѣжденія противъ архимандрита Леонида, и *консулу*, чтобы изъяснилъ ему неправильность принятія доносовъ, переданныхъ отъ него, и слѣдствія? Будетъ ли имѣть довольно силы, чтобы сдѣлать послушными возмутившихся монаховъ. *Трудно рѣшиться утверждать сіе*“ [2]). Отправленный изъ Константинополя съ цѣлью замѣнить въ Іерусалимѣ своего предмѣстника архимандрита Леонида, о. Антонинъ не имѣлъ, по слабости человѣческой, достаточнаго мужества, чтобы на дѣло посмотрѣть безпристрастно и указать прямо и рѣшительно и патріарху іерусалимскому и русскому консулу ихъ

---

[1]) Арх. Савва. Собран. мнѣній и отз. Филарета, митр. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 445—446. Достойно полнаго вниманія то обстоятельство, что между о. арх. Леонидомъ и о. арх. Антониномъ не были нарушены добрыя товарищескія отношенія. Въ сентябрѣ 1868 г. о. Антонинъ, въ бытность въ Константинополѣ, пользовался гостепріимствомъ о. арх. Леонида и превозноситъ его всяческими похвалами (Труды Кіев. дух. Акад. 1869 г., ч. 1, стр. 452, прим. 1).

[2]) Тамъ же, стр. 440—441.

неправильный образъ дѣствія по отношенію къ о. архимандриту Леониду. Въ шестой статьѣ своего донесенія о. Антонинъ, между прочимъ, „соглашается быть настоятелемъ миссіи“ [1]), къ чему, по словамъ митрополита Филарета, „не имѣлъ для себя затрудненій ни *со стороны консула, ни со стороны патріарха*“ [2]), т. е., иначе говоря, угодилъ и и тѣмъ и другимъ. И за эту дань слабости человѣческой горько пришлось поплатиться о. Антонину впослѣдствіи!

Въ донесеніи о. Антонина однакоже вполнѣ правильно указана была причина происшедшихъ безпорядковъ. „Съ передачею въ хозяйство консульства всѣхъ русскихъ заведеній въ Іерусалимѣ, писалъ въ Св. Синодъ о. Антонинъ, миссія, считавшаяся если не собственницею, то распорядительницею всего, что было наше здѣсь, вдругъ увидѣла себя *безъ собственности, безъ правъ, безъ власти, безъ силы, даже безъ совѣщательнаго голоса въ устройствѣ нашихъ дѣлъ палестинскихъ*! Такой переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ вѣдомствъ естественнымъ образомъ долженъ былъ возбуждать въ одной сторонѣ жалѣніе объ утраченномъ значеніи, а въ другой нѣкоторую долю надменія имъ. Отсюда взаимная холодность двухъ властей“ [3]). Эти указанія о. Антонина обратили на себя вниманіе Св. Синода, но нисколько не улучшили „отношеній между начальникомъ духовной миссіи и консуломъ“, такъ какъ, къ удивленію, даже митрополитъ Филаретъ, близко принимавшій къ сердцу интересы нашей миссіи, признавалъ за *лучшее* — „оставить миссію въ нынѣшнемъ *переходномъ состояніи*, въ ожиданіи лучшаго времени“ [4]), которое, къ слову сказать, безвозвратно для нея миновало и уже навѣрное никогда не возвратится...

---

[1]) Тамъ же, стр. 456.
[2]) Тамъ же, стр. 465.
[2]) Тамъ же, стр. 449.
[4]) Тамъ же, стр. 465.

Въ 1866 году являлась даже мысль удалить миссію изъ Іерусалима совершенно, и только опасенія, чтобы патріархъ іерусалимскій не усмотрѣлъ въ этомъ „свою силу и свою побѣду“ и чтобы „западная зависть къ Россіи“ не нашла для себя „счастливый случай къ неблагопріятнымъ для православія, оскорбительнымъ и вреднымъ толкамъ“ [1])—спасли нашу іерусалимскую многострадальную миссію отъ этой печальной и, безъ всякаго сомнѣнія, позорной для нашего національнаго самолюбія участи.

Новый начальникъ миссіи въ Іерусалимѣ съ свойственною ему настойчивостію принялся за изученіе палестинскихъ дѣлъ: знакомился съ святогробскимъ духовенствомъ, поддерживая добрыя и сердечныя отношенія съ главою Сіонской церкви, „великимъ простецомъ о Христѣ Іисусѣ“ и „нелестнѣйшимъ рабомъ Божіимъ“ патріархомъ Кирилломъ [2]), изучалъ богослужебные порядки греческіе въ Палестинѣ [3]), церкви латинской тамъ же [4]), интересовался палестинскими рукописями

) Тамъ же, стр. 464—465.

[2]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1868, ч. II, стр. 54.

[3]) Плодомъ этого изученія являются слѣдующія статьи о. арх. Антонина: „Праздникъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ“ (Церк. Лѣт. 1866, № 9 и 10); 6 января на Іорданѣ (Херс. епарх. вѣд. 1867, № 5); Извѣстіе о послѣдованіи божественнаго и священнаго умовенія (Труды Кіев. дух. Акад. 1867, кн. II, стр. 304—319); Пасха въ Іерусалимѣ (Херс. епарх вѣд. 1867, № 12); Патріаршее богослуженіе въ Іерусалимѣ (Церк. Лѣт. 1867. № 30); 26 января въ лаврѣ св. Саввы (Труд. Кіев. дух. Акад. 1868, ч. II, стр. 42—83); Водосвятіе въ храмѣ Воскресенія (Херс. епарх. вѣд. 1869, № 5); Изъ Іерусалима (Тамъ же, 1871, № 16); Выборы и посвященіе новаго патріарха въ Іерусалимѣ (Церк. Лѣт. 1875, № 30 и 31) и др.

[4]) Таковы статьи: Латинское богослуженіе послѣдней недѣли великаго поста въ Іерусалимѣ (Христ. Чтен. 1866, № 5, стр. 468); Посвященіе латинскаго епископа въ Іерусалимѣ (Сѣв.

въ цѣляхъ научныхъ [1]), зорко присматривался и по мѣрѣ возможности изучалъ лично для себя и писалъ объ этомъ къ свѣдѣнію своихъ соотечественниковъ о состояніи пропагандъ католической и протестантской въ Палестинѣ и Сиріи [2]), вступая хотя и робко въ конкурренцію съ ними по части пріобрѣтенія важнѣйшихъ святынь или земель въ Палестинѣ [3]), обращалъ взоры на приниженное положеніе мѣстнаго арабскаго духовенства, радовался искренно и восторженно привѣтствовалъ открытіе богословскаго училища въ Іерусалимѣ при Крестномъ монастырѣ, куда для полученія богословскаго образованія на нѣкоторое время были допущены и уроженцы Палестины—сирійцы [4]) и, наконецъ, не забывалъ о „присныхъ“ своихъ—русскихъ поклонникахъ, посѣщающихъ св. мѣста Палестины. Плодомъ его отеческихъ близкихъ отношеній къ нашимъ соотечественникамъ на первыхъ порахъ

Почта 1866, № 209); Миссіонерскія замѣтки изъ св. Земли (Дух. Бесѣд. 1867, т. I).

[1]) Въ 1868 году о. Антонинъ занимался *обзоромъ и описаніемъ рукописей* лавры Св. Саввы Освященнаго (Труды Кіев. дух. Акад. 1873, №, 12, стр. 243; Изъ записокъ синайск. богомольца (Труд. Кіев. дух. Акад. 1873, № 3), нынѣ вошедшихъ въ составъ патріаршей библіотеки въ Іерусалимѣ, по указанію блаженнѣйшаго патріарха Никодима I.

[2]) Отъ Босфора до Яффы (Труд. Кіев. дух. Акад. 1869, ч. II, 406—415); Изъ Іерусалима (1869, № 19, Херсон. епарх. вѣд.); Изъ записокъ синайскаго богомольца. Кіев. 1872, стр. 6—27; Латинское преданіе на Востокѣ (Херс. епарх. вѣд., 1870, № 3); Письмо изъ Іерусалима (Сѣв. почта, 1868. № 94); Изъ Іерусалима (Церк. Вѣст. 1876, № 51); Протестантская пропаганда въ Палестинѣ (Церк. Вѣстн. 1877, № 41); По пути изъ св. Земли (Гражд. 1878, № 23—24) и др.

[3]) Разумѣемъ въ 1869 г. пріобрѣтеніе въ русскую собственность Дуба Мамврійскаго (Всемір. Иллюстр. 1869, № 42, стр. 243).

[4]) Душеп. Чтен. 1866, мартъ, стр. 141—142; апрѣль, стр. 193—197; Труды Кіев. дух. Акад. 1869, ч. II, стр. 406—413.

его пребыванія въ Палестинѣ являются „Наставленіе поклонникамъ св. Гроба, по прочтеніи великаго канона (Дух. Бесѣд. 1870, 1); „Привѣтствіе поклонникамъ, по пріобщеніи Св. Таинъ“ (тамъ же, стр. 227; 1871, стр. 215), „Наставленіе русскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ предъ исповѣдію“ (тамъ же, стр. 209) и нѣсколько другихъ поученій и бесѣдъ, въ составленіи которыхъ о. Антонинъ заявилъ себя великимъ мастеромъ, въ бытность свою на службѣ въ нашей Академіи.

Но вскорѣ же всѣмъ этимъ благимъ начинаніямъ, планамъ, намѣреніямъ, думамъ и мыслямъ поставлены были препоны и преграды, предъ которыми личности менѣе сильные, чѣмъ какимъ былъ достойный вѣчной памяти о. архимандритъ Антонинъ, могли бы опустить руки. И у о. архимандрита Антонина, поддерживавшаго добрыя отношенія съ патріархомъ Кирилломъ, при его преемникѣ Прокопіѣ, начались нелады и обостренныя отношенія настолько, что между миссіею и патріархіею и святогробскимъ духовенствомъ установились самыя холодныя, натянутыя отношенія. Имя о. Антонина поносилось въ патріархіи, откуда на него сыпались жалобы и инсинуаціи въ наше консульство, въ константинопольское посольство, въ Св. Синодъ. Патріархъ Никодимъ, нынѣ пребывающій на покоѣ въ Халкахъ близъ Константинополя, persona grata русскаго правительства, жившій почти все время въ Москвѣ въ качествѣ завѣдующаго подворьемъ святогробскимъ и знавшій объ о. Антонинѣ больше по наслышкѣ, ставилъ, между прочимъ, условіемъ своего появленія въ Іерусалимѣ на престолѣ удаленіе изъ нашей миссіи о. архимандрита Антонина [1])...

Съ консульствомъ іерусалимскимъ, по тѣмъ же причинамъ, по какимъ удалены были и предшественники о. Антонина, епископъ мелитопольскій Кириллъ и о. архимандритъ

---

[1]) Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. СПБ. 1894, іюнь, стр. 307.

Леонидъ Кавелинъ, не могли установиться добрыя мирныя отношенія, такъ какъ новый энергичный о. настоятель миссіи дѣйствовалъ независимо и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ представитель русской церкви и православія на св. Землѣ, и, по своему характеру, не могъ снизойти до положенія *архимандрита при консульствѣ*... На этой почвѣ создались у о. архимандрита Антонина съ русскимъ консульствомъ столь обостренныя и ненормальныя отношенія, что онъ уступалъ консульству лишь послѣ того, какъ оно, по выраженію В. Н. Хитрово, прибѣгало „къ вооруженной силѣ консульскаго каваса“ [1]). И отсюда также писались жалобы въ русское константинопольское посольство, въ Палестинскій Комитетъ, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и въ Св. Синодъ...

Въ этой страстной борьбѣ русской миссіи съ патріархіею и консульствомъ, къ глубокому сожалѣнію, приняли участіе и лица постороннія, пріѣзжавшія въ Палестину на *короткое время* и подпадавшія вліянію недоброжелателей о. архимандрита, которыя потомъ легкомысленными корреспонденціями въ нашей русской либеральной печати дискредитировали въ глазахъ своихъ соотечественниковъ и почтенную личность о. архимандрита, и самое то дѣло, которому беззавѣтно онъ служилъ въ Палестинѣ и преданъ былъ всею душею... Въ этой печальной исторіи самооплеванія, или надругательства надъ русскимъ именемъ и русскимъ дѣломъ на далекой чужбинѣ, но близкой и дорогой каждому истинно христіанскому сердцу, съ особенною рельефностію выдѣляются два имени: *А. Ушинскій* (бывшій чиновникъ при Св. Синодѣ) и нѣкто *Ю. Добрынинъ* (несомнѣнно псевдонимъ). „Восторгаясь всѣмъ протестантскимъ въ Палестинѣ и понося свое“ [2]),

---

[1]) Тамъ же, стр. 308.

[2]) Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2.

г. Ушинскій на страницахъ либеральнѣйшей церковной газеты „Церковно-общественный вѣстникъ“, стяжавшей себѣ печальную извѣстность, помѣстилъ рядъ статей съ враждебными нападками на нашу іерусалимскую миссію и вызвалъ о. архимандрита на энергическую отповѣдь. Г. *Добрынинъ* (псевдонимъ) выбралъ для своихъ инсинуацій и нападокъ болѣе популярный родъ литературы, чтобы, конечно, тѣмъ пріобрѣсти себѣ болѣе широкій кругъ читателей, форму романа съ такимъ заглавіемъ: „*Пейсъ-паша* [1]) *и его консорты. Мозаики, камеи и миніатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Святой Земли. СПБ. 1881*“. Миновавъ благополучно зоркій глазъ нашей цензуры, г. Добрынинъ пожалъ не малые плоды своего литературнаго шантажа, особенно, когда его книга появилась въ Св. Землѣ и стала быстро распространяться среди недоброжелателей о. Антонина.

Книгу г. Добрынина даже нашъ либеральный журналъ „Вѣстникъ Европы“ назвалъ „странною, вызывающею на размышленія“ и прямо „памфлетомъ“. „Памфлетъ, говоритъ этотъ журналъ, есть нерѣдкое орудіе борьбы общественной, литературной, политической; бываютъ обстоятельства, гдѣ онъ выполняетъ правильно свою роль и даже бываетъ единственнымъ возможнымъ средствомъ. Но бываютъ случаи, гдѣ онъ становится *очень дурнымъ оружіемъ. Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ памфлетъ поставленъ не совсѣмъ правильно*“ [2]). Самъ о. архимандритъ Антонинъ обошелъ его полнымъ презрѣніемъ, а спохватив-

---

[1]) Такое названіе дано роману потому, что о. арх. Антонинъ имѣлъ обыкновеніе, расчесывая пряди своихъ волосъ на головѣ, располагать ихъ спереди на подобіе еврейскихъ пейсовъ, сходство съ которыми особенно замѣчалось въ обычной домашней обстановкѣ, когда голова его прикрывалась скуфейкою.

[2]) Вѣстн. Европ. 1881 г., кн. II, стр. 891.

шаяся не во время русская цензура конфисковала книгу и изъяла изъ продажи... На нападки же г. Ушинскаго отвѣчалъ весьма энергично и съ сознаніемъ полнаго достоинства о. Антонинъ на страницахъ „Церковнаго Вѣстника". „Лично мы, писалъ о. архимандритъ, весьма признательны г. автору за его многократные лестные отзывы о насъ. Но это нисколько не стѣснитъ насъ замѣтить, что *мы живемъ не для отзывовъ и не изъ отзывовъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Къ отзывамъ самымъ дурнымъ пріучилъ насъ еще давно пресловутый „Колоколъ"*. Въ хорошихъ также мы умѣемъ находить предметъ поученія для себя. Соболѣзнованіе автора о томъ, что недостаетъ у миссіи времени [1]) дѣлать свое дѣло, намъ весьма понятно. *Мы понимаемъ даже болѣе глубокую махинацію высшихъ сферъ, стремящуюся совсѣмъ закрыть іерусалимскую миссію, какъ безполезное учрежденіе*, но, *не смотря на то, остаемся вѣрными той задачѣ*, съ которою Россія съ такою славою выступила когда-то на единовѣрномъ Востокѣ—въ колыбели христіанства—по истинѣ „на страхъ врагамъ" и на радость друзьямъ и отъ которой какая-то необъяснимая фатальная сила старается теперь отвлечь наше общество назадъ. Разбить можно все, даже свою голову, но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, не мѣшало бы Ушинскому подумать" [2]).

---

[1]) «Миссія не можетъ и случая не имѣетъ узнать ни того, сколько бываетъ вообще въ теченіе года въ Іерусалимѣ поклонниковъ, ни кто они, ни откуда, ни долго ли остаются, ни чѣмъ занимаются, писалъ въ отвѣтъ г. Ушинскому о. Антонинъ на этотъ укоръ. *Она видитъ ихъ только въ церкви и знакомится только тогда, когда они сами того пощутъ*». (Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2).

[2]) Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 4.

Все это вмѣстѣ взятое—и жалобы патріархіи, и доносы консульства, и представленіе посольства, и отзывы нелестные въ печати—оказали свое желанное дѣйствіе, и создали о. архимандриту предъ Св. Синодомъ мнѣніе человѣка „съ душкомъ“ [1]). „Къ сожалѣнію, говоритъ о. Антонинъ о себѣ, иногда никакъ не можешь забыть, когда назовутъ тебя „человѣкомъ съ душкомъ“ люди, у которыхъ не отыщешь ни духа, ни душка, *а одинъ запахъ*“ [2]).

Св. Синодъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ уже случай остаться недовольнымъ о. архимандритомъ Антониномъ за его не вполнѣ безпристрастное отношеніе къ дѣлу о. архимандрита Леонида и бывшихъ при немъ безпорядковъ въ нашей миссіи, а затѣмъ когда позднѣе ознакомился съ докладною его запискою, представленной нашему Императорскому послу въ Константинополѣ, по вопросу о необходимости болѣе живыхъ и постоянныхъ сношеній съ восточными патріархами чрезъ особаго апокресіарія при вселенскомъ патріархѣ и его помощникахъ при остальныхъ патріархахъ [3]), то и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и въ Св. Синодѣ стали смотрѣть на о. Антонина, какъ на безпокойнаго человѣка и даже фантазера. О. Антонинъ очутился въ Палестинѣ въ

---

[1]) О своемъ характерѣ о. Антонинъ даетъ такую аттестацію: «Память дѣтства подсказываетъ мнѣ хотя и справедливую, можетъ быть, тѣмъ не менѣе обидную кличку зеленаго ума. Затѣмъ припоминается, не очень давняя, укоризна въ подвижномъ умѣ... Что удивительнаго, если, съ теченіемъ лѣтъ, *пререкаемый умъ, какъ бы созрѣвая все болѣе и болѣе въ неправильномъ развитіи, получитъ характеристику высокаго.* Вѣщее слово. Боюсь и его. Но что же, впрочемъ, сдѣлаетъ оно мнѣ“? (Изъ записокъ синайскаго богомольца. Труд. Кіев. дух. Акад. 1873, № 3).

[2]) Поѣздка въ Румелію, стр. 161.

[3]) Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. 1894, іюнь, стр. 306—307.

тяжеломъ положеніи одиночества, съ обиднымъ для его самолюбія игнорированіемъ его плановъ, намѣреній и самыхъ трудовъ, стоя лицомъ къ лицу съ своими врагами, недоброжелателями и клеветниками... Въ эти тяжелые годы его палестинской дѣятельности былъ одно время моментъ, когда дѣлу православія въ Палестинѣ грозила серьезная опасность оказаться прерванною, такъ сказать, въ самомъ разгарѣ, а о. Антонину даже быть отозваннымъ съ своего поста изъ Палестины [1]). Но, благодареніе Богу, и самое дѣло, и о. Антонинъ нашли для себя мощную поддержку и покровительство въ лицѣ великой „христолюбицы", всемилостивѣйшей „матери милосердія" [2]), покойной императрицы Маріи Александровны, матери Августѣйшаго предсѣдателя Импер. прав. Палестинскаго Общества. Почившая императрица съ добрымъ, нѣжнымъ и любвеобильнымъ сердцемъ соединяла и глубокую христіанскую вѣру. Всю свою жизнь она благоговѣйно чтила Св. Землю, интересовалась успѣхами въ ней православія и состояніемъ ея святынь, и постоянно помогала отъ „неистощимыхъ щедротъ своихъ" здѣшнему краю.

---

[1]) «Мы сами, говоритъ въ одной корреспонденціи о. Антонинъ, безъ всякой нужды, отняли у нея (т. е. миссіи) сперва орёолъ величія, столько дѣйствующій на массы и столько нужный для чести по истинѣ *Великой Церкви Русской*, потомъ систематически, шагъ за шагомъ, отнимая у нея первоначальное назначеніе, изъ *ревниваго опасенія ея преобладающаго вѣса* и якобы политической дѣятельности, вгоняемъ ее усиленно въ тѣсныя рамки приходской поклоннической церкви, до того, что въ минувшемъ (1878 г.) маѣ мѣсяцѣ какая-то петербургская палестинская комиссія, никому невѣдомая и нигдѣ не обрѣтаемая, положила (пока) въ принципѣ, по требованію *нашего же іерусалимскаго консула, уничтожить нашу духовную миссію въ Іерусалимѣ*» (Гражд. 1878, № 23—25, стр. 455).

[2]) Церк. Вѣст. 1880, № 5, стр. 6; Тамъ же, 1885, № 14, стр. 239.

Не безъ серьезныхъ и весьма основательныхъ причинъ поэтому ея царственныя дѣти—великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи и воздвигли ей въ Палестинѣ превосходный монументъ—храмъ въ русскомъ стилѣ на склонѣ Елеона близъ мѣста моленія о чашѣ нашего Господа... Поддержкѣ и покровительству императрицы Маріи Александровны, хорошо освѣдомленной о палестинскихъ дѣлахъ, о. Антонинъ и обязанъ тѣмъ, что онъ остался не сдвинутымъ съ своего мѣста, а Русь наша—тѣми успѣхами православія, какихъ она достигла въ Палестинѣ при немъ и какими она гордится въ настоящее время...

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ можно бы думать, что о. Антонинъ опуститъ руки и сдѣлается равнодушнымъ зрителемъ въ Палестинѣ всего окружающаго, но онъ былъ надѣленъ отъ природы твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, имѣлъ передъ собою ясную и опредѣленную программу дѣятельности, вѣрилъ крѣпко въ себя и въ правоту своего дѣла и не только не падалъ духомъ, но твердо и рѣшительно шелъ къ разъ намѣченной цѣли... Прежде всего онъ постарался установить для себя modus vivendi въ Палестинѣ. „Начальникъ миссіи нашей въ Іерусалимѣ, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ многочисленныхъ корреспонденцій, вовсе не есть простой повѣренный или посланникъ Св. Синода при іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ. *Онъ есть духовный начальникъ поклонническаго учрежденія нашего въ Іерусалимѣ, и положеніе его можетъ считаться независимымъ отъ того или другого каприза*, того или другого махинатора, скрывающагося за подставною фигурою Прокопія (т. е. патріарха, преемника блаженнаго Кирилла). Уступи Св. Синодъ, изъ почтенія къ завѣтному для Россіи имени патріарха, одному махинатору, завтра на мѣсто его станутъ десять“ [1]). По отношенію къ паломни-

[1]) Гражд. 1874, № 31, стр. 799.

камъ онъ держался принципа невмѣшательства въ ихъ внутренній, такъ сказать, домашній бытъ. „При насъ было, пишетъ о. Антонинъ, что г. консулъ приказалъ смотрительницѣ женскаго пріюта *доносить* всякій разъ ему, когда кто-нибудь изъ членовъ миссіи придетъ въ пріютъ. Какой же духовной надзоръ возможенъ за поклонниками со стороны миссіи“? [1]) заключаетъ о. архимандритъ Антонинъ. „*Она видитъ ихъ только въ церкви и знакомится съ ними только тогда, когда они сами того пощутъ*“ [2]). „Миссіи, пишетъ о. Антонинъ (по другому поводу), никто не поставилъ *ни въ право, ни въ обязанность* руководить поклонниковъ, посѣщающихъ св. мѣста. Недавно, какъ мнѣ стало извѣстно, одинъ высокій сановникъ русскій, временно находящійся въ Іерусалимѣ, объявилъ начальнику миссіи, что, въ силу данной сему послѣднему инструкціи, *онъ можетъ содѣйствовать* Императорскому консульству въ этомъ дѣлѣ, *а распоряжаться не долженъ*... Заикнись *теперь духовная миссія о своей пригодности къ пасенію словеснаго стада нашего на лугахъ Св. Земли, ее и свои, и чужіе приравняютъ несомнѣнно къ волку*“ [3]).

Ориентировавшись, такимъ образомъ, вполнѣ въ своемъ дѣйствительномъ положеніи въ Іерусалимѣ, о. архимандритъ Антонинъ замкнулся въ себя, оградился отъ окружающаго міра стѣнами своей миссіи, за черту которой онъ выходилъ лишь ex officio, по настоятельной необходимости. Но и въ своемъ изолированномъ положеніи, предоставленный самъ себѣ, онъ не сидѣлъ сложа руки, но весь день и большую часть ночи посвящалъ неустанному напряженному труду. Двери его кельіи съ ранняго утра до поздняго вечера не

---

[1]) Тамъ же, № 51, стр. 1291.

[2]) Церковн. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2.

[3]) Церк. Вѣстн. 1885, № 14, стр. 239.

закрывались: рано утромъ онъ принималъ туземцевъ-арабовъ, рѣшая ихъ споры, давая полезные совѣты, оказывая имъ матеріальную помощь предметами первой необходимости и деньгами; ихъ смѣняли учители и учительницы основанныхъ имъ школъ, члены миссіи, испрашивая его совѣтовъ и распоряженій. Въ каждую минуту свободно и довѣрчиво шли къ нему русскіе паломники—сановники, купцы и крестьяне, богатые и бѣдные, стараясь найти у него разрѣшеніе волновавшихъ ихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, и о. Антонинъ охотно и по долгу бесѣдовалъ съ каждымъ, чѣмъ успѣлъ многихъ изъ нихъ привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему въ томъ дѣлѣ, которому онъ отдался всей душей. Только позднимъ вечеромъ онъ оставался одинъ, но *не одинокимъ:* друзьями его и собесѣдниками были любимыя имъ книги. Въ это время до поздняго часа ночи онъ сидѣлъ то надъ какою-либо старинною рукописью или фоліантомъ, то велъ ученую археологическую работу, то корреспондировалъ въ газеты и къ частнымъ лицамъ, то, вооружившись лупою и имѣя подъ руками капитальныя нумизматическія изданія, напрягалъ всѣ усилія своего зрѣнія надъ чтеніемъ какой-либо старинной римской или греческой монеты [1]) (о. Антонинъ былъ страстный нумизматъ),

[1]) „Нашъ почтенный генеральный консулъ (въ Смирнѣ), археологъ и нумизматъ, пишетъ о. Антонинъ, живя столько лѣтъ здѣсь, успѣлъ составить богатѣйшую коллекцію малоазійскихъ монетъ золотыхъ и серебряныхъ, между коими есть и неизвѣстныя ученому міру. Въ ней я въ *первый разъ* видѣлъ персидскіе *дорики* (т. е. монеты Дарія), а также монеты палеваго золота, равно какъ и монеты нашего Босфора Киммерійскаго. *Не могу устоять противъ влекущей силы древности.* Встрѣчаясь съ нею гдѣ бы то ни было, я точно вижу колыбель свою. Мнѣ становится и грустно, и отрадно, и неловко передъ ея свидѣтельствомъ. Динарій *Августа* и драхма Александра, можно сказать, жгутъ меня историческою теплотою именъ своихъ. Ли-

то удалялся на устроенную имъ надъ миссіею обсерваторію, чтобы тамъ провести нѣсколько времени, изучая дивную твердь небесную съ ея неисчислимымъ разнообразіемъ свѣтилъ [1]), то садился за свою „повѣсть временныхъ лѣтъ", повѣряя ей думы, чувства, мысли и впечатлѣнія прожитого трудового дня и, такимъ образомъ, давая будущему историку нашего времени весьма цѣнный матеріалъ для характеристики, то, наконецъ, вооружившись иглою штопалъ свою ветхую рясу или дырявый чулокъ... Шумъ самовара на столѣ и „любимое питіе дальней отчизны"—чай [2])—вотъ что составляло непремѣнное дополненіе въ его кабинетѣ при этой его вечерней работѣ... Послѣ такого дѣлового дня нерѣдко рано утромъ его видѣли уже выѣзжающимъ съ русскихъ построекъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго драгомана Якова Халеби, какъ говорили шутники, въ „разъѣздъ по епархіи", т. е. для обозрѣнія какихъ-нибудь построекъ, земельныхъ участковъ, любимаго Бетжальскаго пріюта, или пріютовъ въ Хевронѣ, Горней, въ Іерихонѣ и другихъ мѣстахъ. Кто изъ бывавшихъ въ Палестинѣ до 1894 года не помнитъ каваль-

---

ца *Діоклитіана* и двухъ *Максимиліановъ* также глубоко смущаютъ душу. Гордыя и жесткія физіогноміи заклятыхъ гонителей Христа говорятъ ясно, что христіанскій мартирологій не вымыселъ. Однимъ словомъ, каждая монета имѣетъ что сказать уму и сердцу" (Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 393—394; Сн. Изъ Румеліи, стр. 513; изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 73; Христ. Чтен. 1863, ч. II, стр. 268).

[1]) Любовь свою къ астрономіи онъ засвидѣтельствовалъ въ поѣздкѣ на Синай (Изъ записокъ синайск. богом., стр. 52) и корреспонденціями въ иллюстрированныя изданія, а равно и пожертвованіемъ въ Кіевскую Духовную Академію своего лучшаго достоянія—телескопа въ 1500 рублей.

[2]) „Безъ чаю, по словамъ о. Антонина, ничто не кажется законченнымъ" (Изъ зап. синайскаго богомольца, стр. 132; Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 235).

кады изъ двухъ всадниковъ: о. архимандрита въ старенькой рясѣ и черной камилавочкѣ, съ распущенными по ушамъ длинными серебристыми пейсами, подъ зонтикомъ, легкою перевалкою ѣдущаго на сивомъ осликѣ, и за нимъ его вѣрнаго слугу—драгомана на гнѣдой лошади... Итакъ, прожилъ въ Святой Землѣ незабвенный о. архимандритъ цѣлыхъ $28\frac{1}{2}$ лѣтъ, трудясь изо дня въ день, не зная отдыха.

Сдѣланнаго о. архимандритомъ Антониномъ на пользу православія въ Палестинѣ за это время и оставленнаго въ наслѣдіе Россіи такъ много, что чувство удивленія и даже изумленія высказываютъ теперь тѣ, кто при жизни иногда становился на его пути и не прочь былъ мѣшать ему...

Время появленія о. Антонина въ Палестинѣ, въ качествѣ начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ, совпало съ усиленіемъ здѣсь католической и протестантской пропагандъ. Во главѣ первой стоялъ извѣстный іерусалимскій патріархъ *Валерга,* а во главѣ второй—братья выкрещенцы изъ евреевъ *Ратисбоны.* Такъ какъ въ видахъ успѣховъ этихъ иновѣрныхъ пропагандъ заводились госпитали, устроялись школы и другія богоугодныя заведенія и пріобрѣтались земельные участки[1]), особенно важные въ историко-библейскомъ отношеніи, то о. Антонинъ рѣшился дѣйствовать ихъ же оружі-

---

[1]) Со временъ крестовыхъ походовъ не было еще такого явленія въ Св. Землѣ, какимъ прославился минувшій годъ, писалъ въ 1869 году о. архимандритъ. Тогда вѣнценосцы Европы мечомъ доставали себѣ прямо и открыто Палестину. Теперь они же разбираютъ ее по кусочкамъ втихомолку, льстя и кланяясь Саладинамъ нашего времени (разумѣются австрійскій императоръ и кронпринцъ прусскій), и совсѣмъ неожиданно вдругъ оказываются собственниками той или другой священной мѣстности. А все же и тогда и теперь послѣдняя цѣль завладѣть чѣмъ-нибудь въ Св. Землѣ" (Изъ зап. синайск. богом. стр. 18). «Намъ, признается въ 1870 г. о. Антонинъ арх. Филарету, ректору Кіев. Дух. Академіи, даже купить-то нельзя въ

емъ [1]), въ цѣляхъ поднятія православія въ Палестинѣ. Первымъ весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ здѣсь о. Антонина была покупка имъ въ концѣ 1868 года знаменитаго *Дуба Мамврійскаго*. „Досточтимая святыня, писалъ о. Антонинъ на имя редактора „Всемірной иллюстраціи", составляетъ теперь собственность русскую. И сказать не могу, съ какою радостію мы встрѣтили дорогую вѣсть эту, по прибытіи сюда на Святую Землю Съ нетерпѣніемъ выжидалъ я случая взглянуть *на свою несравненную покупку*... Присматриваясь на досугѣ, я нашелъ, что вся пріобрѣтенная нами земля идетъ по косогору шаговъ на 200 въ длину и ширину съ весьма неправильнымъ очертаніемъ границъ. Священное дерево находится на южной оконечности земли почти у самой ея межи. Стволъ его (въ 5—6 обхватовъ) обложенъ при землѣ круглой завалинкой. Это единственно, пока, чѣмъ ознаменовала себя на пріобрѣтенномъ мѣстѣ новая хозяйская рука. Къ сѣверу отъ Дуба за предѣломъ вѣтвей его стоитъ каменная сторожка, въ которой живетъ нанимаемый отъ миссіи сторожъ. Къ западу ключъ холодной чистой воды... Одна каменная (а иной быть не можетъ) стѣна кругомъ всей земли нашей будетъ стоить *многихъ сотенъ рублей*. А долженъ же быть при Дубѣ и поклоннической пріютъ, чтобы не искать нашимъ мѣста для ночлега въ Хевронѣ. Все это, заключаетъ о. Антонинъ, уже второстепенное, а главное—дѣло времени.

Турціи ни одного аршина земли. И нельзя не потому, чтобы не позволялъ кто этого, а потому, что мы сами того не хотимъ. Люди, которымъ все равно, есть ли на свѣтѣ Св. Земля, или нѣтъ, покупаютъ ее нарасхватъ, а мы, дышущіе, такъ сказать, ею, отрицаемъ отъ себя упорно право собственности въ ней»! (Тамъ же, стр. 13).

[1]) Вотъ принципъ его: „Стоитъ только чего-нибудь *усиленно захотѣть*, да еще прибавить къ тому *нѣчто*, и дѣло будетъ сдѣлано" (Тамъ же, стр. 20).

Самое трудное и важное, съ помощію Божіею, сдѣлано. Дубрава Мамврійская есть дубрава русская“ [1]). „При ветхомъ Дубѣ Мамврійскомъ, пишетъ о. Антонинъ—отъ 22 мая 1871 г., была уже совершена божественная литургія... Родоначальникъ всѣхъ нашихъ „троицкихъ березокъ“ и всякаго „клѣченья“ *завѣтный Дубъ*, истинно говоря, *завѣщанъ былъ Россіи, а потому и достался ей.* На восходъ солнца во вторникъ мы увидѣли импровизованный алтарь, устроенный въ самомъ трехчастномъ развѣтвленіи ствола дерева. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, при тихомъ шелестѣ вѣчно зеленѣющихъ вѣтвей, въ прохладѣ и благоуханіи весны, поклонились мы тріипостасному Божеству“ [2]). Время и добрые люди дали о. Антонину необходимыя ему „многія сотни рублей“, и теперь въ Хевронѣ у насъ каменная стѣна окружаетъ роскошный и обширный виноградникъ, на вершинѣ горы устроенъ превосходный двухъ-этажный паломническій пріютъ, комфортабельно обставленный, къ услугамъ поклонниковъ простецовъ и даже избалованныхъ жизнію интеллигентовъ, а въ недалекѣ стоитъ высокая башня, съ которой открывается восхитительный видъ на городъ и прилегающую къ нему мѣстность, утопающую въ зелени садовъ [3]).

Въ 1870 году пріобрѣтенъ обширный участокъ земли на Елеонской горѣ близъ мѣста вознесенія Господа на небо. Мѣсто это, по словамъ о. Антонина, представляетъ „самую высшую точку священной горы, занято теперь смоковничнымъ садомъ, а когда-то было усѣяно зданіями, принадлежавшими, вѣроятно, какому-нибудь монастырю, и—можетъ быть,—еще не одному. Намъ обязательно показали открытый

---

[1]) Всемірная иллюстрація 1869, № 42, стр. 243.

[2]) Херс. епарх. вѣдом. 1871, № 16, стр. 329—330; См. изъ запис. синайск. богомольца, стр. 20.

[3]) А. В. Елисѣева. Съ русскими паломниками на Св. Землѣ. 1885, СПБ., стр. 107.

въ одномъ мѣстѣ на незначительной глубинѣ въ землѣ остатокъ великолѣпнаго мозаическаго пола съ изображеніемъ птицъ, рыбъ и пр., весьма похожій на сохранившійся въ церкви Крестнаго монастыря и составляющій одну изъ рѣдкостей Палестины [1])... Недавно напали на цѣлую кучу золотой мозаики и множество кусковъ бѣлаго мрамора. Несомнѣнно тутъ была церковь. Да будетъ она и опять нѣкогда, по благословенію Воздвигшаго тутъ руцѣ свои и благословившаго всякое доброе начинаніе! [2])... Должно сознаться, заключаетъ это извѣстіе о. Антонинъ, что *мы хотя (сравнительно) и поздно являемся собственниками въ Св. Землѣ, но пріобрѣтаемъ все хорошія вещи*" [3]).

Пріобрѣтенное мѣсто на Елеонѣ сначала было обнесено каменною стѣною, засажено масличными и смоковничными деревьями, а затѣмъ приступлено было скоро же и къ сооруженію здѣсь храма во имя. Вознесенія Господня. Но недостатокъ денегъ мѣшалъ быстрому окончанію этого добраго начинанія. „Постройка русской церкви на Елеонѣ, пишетъ о. Антонинъ въ 1876 году, *давно остановилась*, къ сожалѣнію отъ недостатка средствъ. Стѣны выведены кругомъ на сажень вышиною и начаты уже окна. Это была-бы одна изъ древнѣйшихъ церквей Іерусалима, вновь возвращенная богослуженію. Характеръ буквъ, найденныхъ на помостѣ ея мраморной плиты, съ греческою надписью [4]), относитъ ее къ V или къ VI в." [5]). Но настойчивость и терпѣніе сдѣлали и здѣсь свое дѣло: храмъ былъ законченъ и нынѣ подъ

---

[1]) Херс. епарх. вѣдом. 1871, № 16, стр. 326.

[2]) Тамъ же, стр. 329.

[3]) Тамъ же; стр. 326—327.

[4]) Надпись читается такъ: „Θеодосій, славнѣйшій кувикуларій". Церков. Вѣсти. 1880, № 28, стр. 5.

[5]) Церков. Вѣсти. 1876, № 32, стр. 5.

своими сводами покоитъ бренные останки своего строителя [1]). Въ 1885 году съ большими трудностями сюда на Елеолъ былъ доставленъ большой колоколъ [2]), и тогда же о. Антонинъ кликнулъ кличъ къ русскимъ людямъ о построеніи колокольни при храмѣ Елеонѣ: „Не найдутся ли христолюбцы для возведенія іерусалимскаго Ивана Великаго на горѣ Вознесенія? Очень, очень бы желали здѣсь сего“ [3]). Этотъ призывъ не остался со стороны христолюбцевъ безъ отвѣта, и величественная колокольня русскаго елеонскаго храма господствуетъ нынѣ надъ всѣми окрестностями Іерусалима. Съ высоты ея наблюдатель видитъ, какъ на ладони, Мертвое море и Заіорданье, а, при помощи бинокля, въ ясную погоду, даже синеву Средиземнаго моря. Мощный звонъ ея колоколовъ оглашаетъ всю гору и даже Іерусалимъ, громко свидѣтельствуя иновѣрцамъ объ успѣхахъ русскаго дѣла въ Палестинѣ, а истинно русскимъ людямъ доставляя „несравнен-

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1894, т. II, стр. 634—666.

[2]) Колоколъ въ 308 п. пожертвованъ былъ А. В. Рязанцевымъ изъ Соликамска. Въ августѣ этотъ колоколъ, „съ помощію христіаннѣйшей графини О. Е. Путятиной“, былъ перетащенъ съ пристани въ Яффѣ въ загородный русскій садъ близъ могилы св. Тавифы, а въ февралѣ доставленъ на Елеонъ. „Въ воскресенье 27 (января), пишетъ о. Антонинъ, сдѣлано было надлежащее воззваніе къ люду Божію о помощи. 105 человѣкъ (на $^2/_3$ женщины) спѣшно прибыли утромъ во вторникъ въ Яффу и принялись за дѣло. Благодаря *общему одушевленію*, въ теченіе *7 дней* колоколъ, не смотря *на тысячу затрудненій*, былъ благополучно доставленъ на наши постройки. 5 февраля вечеромъ ему была восторженная встрѣча, поднявшая на ноги весь городъ. Затѣмъ вся масса поклонниковъ взялась тащить колоколъ на св. Елеонъ къ мѣсту его назначенія“ (Церк. Вѣст. 1885, № 14, стр. 239—240).

[3]) Церков. Вѣст. № 14, стр. 240.

ное духовное наслажденіе“ [1])... Двухъэтажный домъ съ музеемъ тѣхъ предметовъ, которые найдены на Елеонѣ при раскопкахъ, обширные паломническіе пріюты, въ которыхъ нерѣдко проживаетъ наше консульство во время лѣта, и множество другихъ сооруженій, съ роскошнымъ садомъ и цвѣтниками, составляютъ въ настоящее время дополненіе къ указаннымъ русскимъ сооруженіямъ на Елеонѣ.

Въ первое свое пребываніе въ Іерусалимѣ въ 1857 году, проѣзжая мимо *Бетжалы* (древней Евфраѳы), стоящей между Іерусалимомъ и Виѳлеемомъ нѣсколько въ сторонѣ, на пригоркѣ, о. Антонинъ писалъ: „это—мѣстопребываніе латинскаго лжепатріарха іерусалимскаго и вмѣстѣ семинарія. Зоркій и расчетливый о. *Валерга* избралъ мѣсто, повидимому, всего менѣе благопріятное для его замысловъ. Сосѣдняя деревня вся состоитъ изъ православнаго арабскаго населенія, и до сихъ поръ упорно отбивается отъ навязчиваго пришельца, съ которымъ даже завязала процессъ за мѣсто, гдѣ выстроена его резиденція. Но, прибавилъ со вздохомъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, разсказчикъ, дѣло кончится тѣмъ что онъ ихъ совратитъ. Также было въ Виѳлеемѣ. *У кого есть деньги*, тотъ если не убѣдитъ, то купитъ. Жаль, если это сбудется! Что бы *ревнителю вѣры Христовой поселиться гдѣнибудь между мусульманами и дѣйствовать на нихъ оружіемъ, какимъ хочетъ!* Вѣрно слово Господне: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй*. Пожинаете вы чужую жатву, незванные жнецы, но не приходитъ ли вамъ на мысль, что и вашъ посѣвъ на этой, таинственной своими судьбами, землѣ *также можетъ быть снятъ другими жателями*“ [2]). Провидѣнію угодно было, чтобы этимъ желаннымъ „ревните-

---

[1]) О. Антонинъ былъ большимъ любителемъ „толстаго“ звона. (Церков Вѣстн. 1881, № 9, стр. 6; См. Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 39, 402).

[2]) Душеп. Чтен. 1866, кн. II, стр. 85.

лемъ вѣры“ и „другимъ жателемъ“ явился самъ приснопамятный о. Антонинъ. „Для тѣхъ, у кого есть уши слышати и очи видѣти, мы сообщимъ, писалъ онъ своему антагонисту А. Д. Ушинскому въ отвѣтъ на его обвиненіе нашей миссіи въ бездѣятельности по части народнаго образованія въ Святой Землѣ, что чуть мы *водворились здѣсь* (точнѣе въ 1866 г.), какъ немедленно занялись устройствомъ женской школы въ центрѣ папской пропаганды, въ Бетжалѣ, чтобы *воспитать будущихъ матерей малошнихъ въ правилахъ строгаго православія и спасти мѣсто отъ окончательнаго совращенія въ латинство*“ [1]). Въ два этажа весьма изящное зданіе для безплатнаго пансіона, съ службами и масличнымъ садомъ, было передано здѣсь о. архимандритомъ въ наслѣдіе Императорскому православному Палестинскому Обществу.

Такъ называемая, *Горняя* послужила вторымъ пунктомъ, на который обращено было серьезное вниманіе о. Антонина, какъ на важный воспитательный пунктъ. „Налѣво по ту сторону веселой и сплошь зеленѣющей долины на подгорьи бѣлѣетъ куча зданій, описываетъ Горнюю о. Антонинъ въ 1870 г. Наиболѣе бросающаяся въ глаза центральная часть ихъ есть дѣтскій пріютъ, недавно выстроенный братьями Ратисбонами, обратившимися изъ еврейства въ католичество. Восточная оконечность занята латинскимъ монастыремъ Рождества Предтечи, выстроеннымъ на мѣстѣ дома Захаріи, гдѣ и родился *въ рожденныхъ женами болій*. На западномъ краю селенія другая группа зданій знаменуетъ собою мѣсто встрѣчи Божіей Матери съ Елисаветою и трехмѣсячнаго пребыванія у нея, зовомое католиками просто и кратко: Magnificat. Припоминаю минуты, проведенныя нами *въ Горней*, куда мы тоже со тщаніемъ ѣхали за недѣлю предъ симъ. Дорогое по священнымъ событіямъ мѣсто это совсѣмъ *ола-*

[1]) Церк. Вѣст. 1876, № 15, стр. 5

тишено. У православныхъ нѣтъ тамъ *ни церкви, ни дома, ни клочка земли.* Земля-то, правда, есть, занимаетъ видное мѣсто, состоитъ изъ сплошной скалы и украшается русскимъ именемъ, имѣетъ хозяевъ и *ждетъ прихода ихъ много лѣтъ* Но я боюсь, что эта *неплоды нерождающая* ничего не дождется и никогда *не возвеселится о чадѣхъ многихъ.* Мнѣ видится въ воображеніи совсѣмъ иная мѣстность, *имущая мужа,* и потому чадородная *паче пустыя*" [1]). Такимъ *мужемъ* былъ все тотъ-же незабвенный о. Антонинъ, писавшій о Горней въ 1880 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ уже слѣдующее: (Здѣсь) „устроена *школа въ русскомъ домѣ, и начинается церковь* во имя Божіей Матери, въ честь и память посѣщенія Ею своей *южики* праведной Елисаветы, мѣсто дома которой окружено нашими владѣніями, хотя и не принадлежитъ намъ, составляя собственность и какъ бы скитъ латинскаго Предтеченскаго монастыря. Здѣсь надѣются, что извѣстіе обо всемъ этомъ будетъ съ радостію принято многочисленными чтителями святаго (и прибавимъ прекраснаго, какъ рай Божій) мѣста нашего въ Горней, распространенными по всему лицу земли русской. Въ миссіи нашей не сомнѣваются, что въ этомъ „жребіи Божіей Матери" въ близкой будущности устроится обширный пріютъ именитыхъ русскихъ отшельницъ, желающихъ въ полной и невозмутимой тишинѣ духа окончить дни своей болѣе или менѣе тревожной жизни, которому образцемъ послужитъ уставъ древняго скитскаго жительства, безъ игуменіи, безъ казначеи, безъ благочинныхъ и тому подобныхъ формальностей, и въ основу котораго положены будутъ тайноводственныя слова вдохновенной пѣсни Богородицы. Да будетъ" [2]). Покойнымъ отцемъ Антониномъ названо по имени и то лицо, при по-

[1]) Изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 11.

[2]) Церк. Вѣстн. 1880, № 41, стр. 21.

средствѣ котораго устроена Горняя. Говоря по поводу кончины бывшаго министра и члена государственнаго совѣта И. И. Мельникова, онъ замѣчаетъ, что онъ былъ „одинъ изъ самыхъ видныхъ и усердныхъ споспѣшниковъ нашего дѣла въ Палестинѣ, хлопотами и отчасти великодушнымъ пожертвованіемъ котораго мы сдѣлались *владѣльцами* весьма обширнаго и цѣннаго по своему значенію участка земли съ поклоннническимъ пріютомъ и большимъ садомъ въ упомянутой выше Горней, когда какъ-бы нарочно какая-то благодѣющая судьба занесла отличнаго человѣка лѣтъ десять назадъ тому. Его усиліями собрано было болѣе 20,000 рублей въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чѣмъ мы и стали *счастливыми собственниками* дорогого и завиднаго (для Ратисбоновъ и имъ подобныхъ забирателей Св. Земли) евангельскаго мѣста“ [1]).

Въ настоящее время въ Горней имѣются прекрасный и довольно вмѣстительный храмъ во имя Казанской Божіей Матери съ колокольнею, близъ котораго разсѣяно болѣе сотни домиковъ русскихъ отшельницъ [2]), окруженныхъ (т. е. домиковъ) виноградниками и цѣлымъ лѣсомъ масличныхъ деревьевъ съ общею иноческою трапезою, съ весьма обширнымъ поклонническимъ пріютомъ [3]). По мысли создателя скита, и доселѣ нѣтъ въ немъ игуменіи, и онъ находится въ духовномъ подчиненіи у настоятеля русской іерусалимской миссіи.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) О. Антонинъ мечталъ создать и мужскую обитель въ Іерусалимѣ на Елеонѣ въ своихъ постройкахъ, но этимъ его мечтамъ не суждено было осуществиться на дѣлѣ. Церк. Вѣст. 1876, № 15, стр. 6.

[3]) А. В. Елисѣевъ. Съ русскими поклонниками на Св. Землѣ, стр. 147.

Іорданъ издавна былъ притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ паломниковъ, посѣщающихъ Св. Землю, а посему необходимость создать здѣсь на мѣстѣ древняго Іерихона русскій паломническій пріютъ была самая настоятельная. О. Антонинъ пріобрѣлъ здѣсь весьма обширный участокъ земли близъ древней башни Закхея съ обширнымъ пальмовымъ садомъ и виноградниками и приступилъ къ сооруженію на немъ паломническаго пріюта. Въ 1876 году онъ еще жаловался на недостатокъ средствъ для окончанія этого пріюта [1]), но въ 1885 году пріютъ былъ отстроенъ и представлялъ роскошное зданіе. „Идя на Іорданъ и возвращаясь оттуда, пишетъ о. Антонинъ, мы отдыхали въ русскомъ пріютѣ іерихонскомъ, *настоящемъ дворцѣ*, воздвигнутомъ духовною миссіею въ глуши, какой и представить себѣ не можно, не видѣвши. Въ передній путь ночевали тамъ цѣлою *тысячей человѣкъ*, занявши оба этажа дома, весь садъ и полисадникъ. Какъ не произнести слова хвалы и благодарности людямъ, зорко слѣдящимъ за нуждами своихъ соотечественниковъ въ чужой землѣ? Съ нашей легкой руки уже тамъ и сямъ начинаютъ возникать въ мѣстности именитаго Іерихона домики изъ камыша и глины съ примѣсью хранимаго въ нѣдрахъ земли отъ временъ древнихъ строеваго камня. Большею частію это русскія мызы, купленныя и застроенныя нашими сѣверными любителями и любительницами вѣчнаго безпрерывнаго тепла, да еще такого, о которомъ самая наша жаркая пора не даетъ надлежащаго понятія. Помоги Богъ русской колонизаціи въ землѣ Обѣтованной! Кто съ такимъ безпредѣльнымъ влеченіемъ и самопожертвованіемъ занятъ ею, какъ мы, воспитанные церковью и псалтирною школою въ преданіяхъ библейскихъ? И не стыдно ли, не грѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, намъ русскимъ отставать отъ другихъ въ такомъ общемъ всему христіанству

[1]) Церк. Вѣсти. 1876, № 32, стр. 5.

стремленіи“ [1])? Бывавшій въ Палестинѣ обѣими руками подпишется подъ этими словами о. архимандрита Антонина, которому всякій посѣтитель Іерихона отъ сердца говоритъ большое русское „спасибо“ [2]).

Въ Яффѣ навсегда будетъ связано съ именемъ о. Антонина пріобрѣтеніе участка земли близъ гробницы Тавифы. Въ 1870 году, по словамъ архимандрита Антонина, этотъ участокъ представлялъ „обширный пустырь, справа холмистый, потомъ совершенно ровный, имѣвшій фигуру параллелограмма. Это тоже *Московія*, сказали тамъ, т. е. русское мѣсто, *недавно пріобрѣтенное нашею миссіею*. Оно будетъ аршинъ 400 длины и около половины того ширины, когда то было засажено все виноградомъ, смоковничными деревьями и ягодичинами (сикоморами), но потомъ совсѣмъ опустѣло. Его 7 холмовъ составляютъ исключеніе во всей окрестности Яффы, и какъ бы говорятъ о своемъ искусственномъ происхожденіи. Въ двухъ мѣстахъ уже успѣли открыть древнія пещеры, служившія гробницами для стародавнихъ жителей Іоппіи. Мѣсто это носитъ арабское имя *Табиты*, т. е *Тавиѳы*, по книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. *Такимъ образомъ можно намъ поздравить себя съ пріобрѣтеніемъ въ Палестинѣ еще одного мѣста, освященнаго евангельскимъ событіемъ.* Ежегодно въ третье воскресенье послѣ Пасхи, когда читается апостолъ о воскрешеніи блаженной жены св. апостоломъ Петромъ, православные жители Яфы приходятъ сюда на цѣлодневное гулянье, чѣмъ и подтверждается фактически преданіе о св. Тавиѳѣ. Вѣроятно, здѣсь было мѣсто погребенія ея послѣ вторичной смерти. Мы проѣхали впоперекъ *свое мѣсто* и полюбовались съ высшей точки его на великолѣпную панораму несчетныхъ садовъ Яффскихъ, самой Яффы

---

[1]) Тамъ же, 1885, № 14, стр. 239.

[2]) А. В. Елисѣевъ. Съ русскими паломниками на Св. Землѣ, стр. 244.

и голубого безпредѣльнаго моря. Яффская зима лучше нашего сѣвернаго іюня, а мѣсто посреди сотенъ апельсинныхъ садовъ и хвалить не нужно. *Лѣтъ черезъ 10 тутъ будетъ, конечно, непроходимый лѣсъ лимонный и апельсинный по всей низменной части. Верхнюю же часть можно засадить всякимъ инымъ деревомъ райскимъ, отъ индійскаго бамбука до русской березки.* Основаніе саду уже положено. Вырытъ колодецъ хорошей воды на глубинѣ 11 саженей, роется яма подъ водоемъ, возводится зданіе для садовника и сторожа, указано уже и мѣсто будущимъ палатамъ русскимъ" [1]). Двукратно мы посѣтили лично Яфу, въ 1887 и 1899 годахъ, оба раза были на русскомъ мѣстѣ о. Антонина и нашли, что дѣйствительность во много разъ превосходитъ, казавшуюся въ то время несбыточною, его мечту. Теперь не только имѣется здѣсь обширный садъ, полный тропическихъ растеній и всевозможныхъ цвѣтовъ, съ водоемами для купаній и живорыбными садками, и домъ-дача для лѣтняго отдыха нашего начальника миссіи, но что гораздо важнѣе, здѣсь сооруженъ прекрасный храмъ [2]), освященный въ 1893 г., всего за годъ до смерти создателя и не входившій въ планы мечтателя, съ высокою колокольнею, съ которой открывается положительно чарующій видъ на живописный городъ и сплошной садъ зелени, опоясывающій его со всѣхъ сторонъ. Трудами о. Антонина здѣсь раскопанъ цѣлый некрополь, давшій весьма много цѣнныхъ археологическихъ находокъ, обогатившихъ основанный имъ при миссіи археологическій музей.

Силоамскій монолитъ, называемый мѣстнымъ преданіемъ „гробницею жены царя Соломона египтянки", замѣчательнѣйшія древне-еврейскія гробницы, извѣстныя подъ именемъ гробницъ Еръ-Романіе или Ессиніе, можетъ быть,

[1]) Изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 25.

[2]) Церк. Вѣстн. 1893, № 9, стр. 420—421.

принадлежавшія благочестивому еврейскому царю Іосіи [1]), такъ называемые гробы пророческіе въ Іерусалимѣ, Тиверіадскіе источники [2]) и другія достопримѣчательныя мѣста въ Палестинѣ пріобрѣтены трудами о. архимандрита Антонина на средства, добытыя имъ путемъ пожертвованій русскими людьми. Вся стоимость земельныхъ владѣній, по нынѣшней цѣнѣ ихъ, переданныхъ о. Антониномъ Св. Синоду при своей кончинѣ, простирается *до милліона рублей* [3]). Цифра эта должна еще возрасти въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что на содержаніе миссіи отпускалось лишь 14,000 рублей въ годъ, а самъ настоятель получалъ всего на всего 3000 руб. (англиканскій епископъ получаетъ 15,000 руб. въ годъ) и что дѣлать сборъ пожертвованій въ церкви съ блюдомъ ему возбраняло консульство.

Рядомъ съ неутомимою живою практическою дѣятельностью шла у о. Антонина непрерывно и учено-литературная работа, результаты которой весьма почтенны. Прежде всего его интересъ теперь былъ обращенъ на раскопки въ такомъ археологическомъ пунктѣ, какъ Іерусалимъ [4]), и когда въ 1883 г. Императорское Палестинское Общество пожелало произвести научныя раскопки близъ храма гроба Господня

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1875 г., ноябрь, стр. 20.

[2]) Сообщ. Имп. Прав. Палест. Общ. 1894, іюнь, стр. 309.

[3]) Странн. 1882, 1, стр. 186.

[4]) Душеп. Чтен. 1866, III, 148, 149, 157. Статьи, относящіяся къ изученію древностей въ Палестинѣ: Письмо изъ Іерусалима (Сѣверная почта. 1868, № 94); 26 января въ лаврѣ св. Саввы (Труды Кіев. дух. Акад., т. II, 1868); Мученіе св. Домнины (Тамъ же, 1869, т. I), Св. преподобно-мученица Сосанна Палестинская (Тамъ же, 1877, т. I); О томъ, какъ докторъ Сепп открылъ древній храмъ Ваала между Іерусалимомъ и Виолеемомъ (Тамъ же, 1878, т. I); Докторъ Сепп у Самарянъ (Тамъ же, 1875, т. III).

на русскомъ мѣстѣ съ цѣлью опредѣлить древность іудейскихъ стѣнъ и вмѣстѣ съ ними *порога* тѣхъ воротъ, чрезъ которыя Господь нашъ Іисусъ Христосъ вышелъ изъ города на Голгоѳу, то въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ нашихъ русскихъ и иностранныхъ, поручено было дать заключеніе объ этихъ остаткахъ древности и покойному о. архимандриту Антонину. Результаты его изслѣдованій по данному вопросу составили 7 выпускъ Сборника этого общества подъ заглавіемъ: „Раскопки на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ“ СПБ. 1884.

Палестиной, однако же, о. Антонинъ не ограничился. Когда въ 1870 году прибылъ въ Іерусалимъ бывшій ректоръ нашей Академіи арх. Филаретъ [1]), скончавшійся въ

---

[1]) Вотъ какими любопытными словами привѣтствовалъ пріѣздъ въ Палестину этого паломника о. Антонинъ. „Доселѣ, говоритъ онъ, отправлялись на поклоненіе св. мѣстамъ большею частію люди, окончившіе свою, ту или другую, службу, которые, пользуясь досугомъ своего „заштатнаго“ положенія пріѣзжали сюда съ духомъ болѣе или менѣе покойнымъ, открытымъ для тихаго и безмятежнаго богомыслія и ничѣмъ не стѣсняемаго изліянія благихъ чувствъ. Іерусалиму памятны нѣсколько такихъ личностей. Для нихъ путешествіе къ св. мѣстамъ было какъ бы вѣнцомъ ихъ служебной дѣятельности, свѣтлымъ и торжественнымъ, но принадлежащимъ только имъ однимъ, и дорогимъ для нихъ и для тѣснаго кружка ихъ присныхъ. Иное дѣло—лицо служащее, начальственное, а главное—*занимающееся воспитаніемъ другихъ. Его каждый шагъ дальняго пути принадлежитъ, такъ сказать, другимъ, и каждое впечатлѣніе дорожное будетъ раздѣлено тысячами. Съ нимъ и въ немъ путешествуетъ цѣлое общество, цѣлое поколѣніе и при томъ такое, которое, въ свою очередь, само будетъ заправлять обществами, вліять на поколѣнія.* Благословенно имя тѣхъ, кто не полагаетъ препятствія подобному поклонничеству. Преблагословенно будетъ—тѣхъ, кои станутъ располагать и побуждать къ нему“. (Изъ записокъ синайск. богомольца, стр. 2).

санѣ епископа рижскаго, и задумалъ посѣтить и богоспасенный Синай, то о. Антонинъ, по сознанію полезности въ дѣлѣ самообразованія путешествій [1]) и съ цѣлью завершить, такъ сказать, свое знакомство съ Востокомъ [2]), рѣшился, не смотря на жаркую пору (конецъ іюня) года, отправиться съ нимъ на Синай. Плодомъ его путешествія на Синай и двухмѣсячнаго тамъ пребыванія является рукописный каталогъ всѣмъ греческимъ рукописямъ [3]), хранящимся въ этой обители, и доселѣ составляющій незамѣнимое пособіе для тѣхъ ученыхъ, которымъ удается попасть въ эту далекую обитель, не смотря на то, что каталогъ этихъ рукописей изданъ уже въ свѣтъ ученымъ палеографомъ *В. Гардгаузеномъ* [4]), въ большей части tacite воспользовав-

[1]) Душеп. Чтен. 1866 г., январь, отд. II, стр. 7.

[2]) «Чего не нашелъ я, мечталъ о. Антонинъ, отправляясь на Синай, ни въ Греціи, ни на Аѳонѣ, найду здѣсь, думалъ я—византійскую эпоху наилучшаго времени ея въ цѣльныхъ, нетронутыхъ ни разрушителями, ни возобновителями памятникахъ (Изъ записокъ синайск. богомольц., стр. 128. Сн. стр. 14).

[3]) О своемъ каталогѣ о. Антонинъ говоритъ, что его „надобно сдѣлать удовлетворительно, *чтобы монастырю можно было похвалиться имъ передъ другими*“ (Изъ зап. синайск. богом., стр. 30). «Каталогъ нашъ подвигается быстро и *обѣщаетъ быть дѣльнымъ*. Конечно, у меня не было и теперь нѣтъ въ виду составлять настоящій *ученый*, еще менѣе прагматическій, каталогъ, въ чемъ я спѣшу оговориться и извиниться. Предоставляю это кропотливое занятіе потомству. Я только пролагаю дорогу ему... Мои ошибки и неизбѣжные промахи всякаго рода пусть онъ (т. е. изслѣдователь) благосклонно припишетъ недостатку времени и неизбѣжной спѣшности занятія отъ сего» (Тамъ же, стр. 44). Проф. богословской школы въ Іерусалимѣ Саруфъ составилъ каталогъ сирскихъ рукописей.

[4]) Catalogus codicum graecorum Sanaiticorum scripsit. W. Gardthausen lipsiensis. Oxon. 1886 an.

шимся цѣликомъ трудомъ своего предшественника [1]). „Древній канонарь Синайской библіотеки“ (Труды Кіев. Дух. Акад. 1874, № 5—6), Изъ записокъ синайскаго богомольца (тамъ-же (1871, № 2, 4 и 8; 1878, № 5; 1873, № 3 и № 9); „Еще о Святомъ Николаѣ Мирликійскомъ [2]) (тамъ-же 1873, № 12), Фараонъ, Моисей и Исходъ (1875, № 11—12, тамъ-же) и др.

Такъ прошла *двадцати-восьми лѣтняя* жизнь и дѣятельность на пользу православія, русской народности и русской науки въ Палестинѣ о. архимандрита Антонина Капустина. Нужно было бы думать, что предъ этою неутомимою и, выше всякаго сомнѣнія, весьма плодотворною и полезною дѣятельностью умолкнутъ завистники и недоброжелатели о. Антонина. Увы, однако, нѣтъ! Мечтамъ этого достойнѣйшаго человѣка жить, гдѣ „больше книгъ и меньше интригъ“ [3]), не

---

[1]) Объ этомъ каталогѣ Гардгаузенъ такъ выражается: „Numeri... notati sunt *in Catalogo manuscripto bibliothecae Sinaiticae*, quem *monachum* (*Sic!*) *Russicum* olim fecisse dicunt“. (Catal. Praef. pag. VIII). О заимствованіяхъ Гардгаузена изъ этого каталога см. у меня Путешествіе по Востоку и его научные результаты, стр 122, 148; Словарь критико-библіограф. русскихъ писателей и ученыхъ. С. Венгерова, т. I, стр. 632.

[2]) О св Николаѣ имѣются ранніе статьи о. Антонина: „Св. Николай, епископъ пинарскій и архимандритъ сіонскій“ (Труды Кіев. дух. Акад. 1869, № 6) и „Перенесеніе мощей св. и чудотворца Николая изъ Ликіи въ Италію“ (Тамъ же, 1870, № 5).

[3]) Когда-то я мечталъ, говоритъ о. Антонинъ, мечталъ прослужить не знаю сколько лѣтъ, заслужить не знаю какую пенсію, и потомъ разъѣзжать по всему свѣту, выбирая, гдѣ теплѣе зимою, гдѣ свѣжѣе лѣтомъ, гдѣ „больше книгъ и меньше интригъ“, какъ говорилъ одинъ очень знакомый съ жизнію и бумагою человѣкъ. *Прощайте невинныя мечты!* День ото-дня убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что самое блаженное положеніе человѣка на землѣ есть то, когда онъ ребенкомъ сидитъ,

суждено было сбыться: клевета и инсинуаціи сопутствовали ему до могилы. Въ самомъ концѣ дѣятельности въ Палестинѣ враги отца Антонина уже ставили ему въ упрекъ чрезмѣрное довѣріе къ своему драгоману Якову Халеби, на котораго, какъ турецкаго подданнаго, пріобрѣтались имъ въ Палестинѣ земельные участки. И въ Іерусалимѣ, и даже въ Петербургѣ одно время опасались, что со смертію о. Антонина мы лишимся сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній, которыя могутъ очутиться въ рукахъ всесильнаго Халеби. Изъ Петербурга шли совѣты при жизни передать владѣнія въ Св. Синодъ, но о. Антонинъ, огорчавшійся глубоко инсинуаціями, не соглашался послѣдовать петербургскимъ внушеніямъ и въ 1889 г. передалъ ихъ лишь въ вѣдѣніе русской духовной миссіи, желая, конечно, избѣжать стѣснительнаго для себя контроля извнѣ...

Существовало предположеніе, незадолго до смерти, быть можетъ, и не безъ задней цѣли, назначить о. Антонина епископомъ, но онъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ *любимымъ* и *дорогимъ* для него Востокомъ и промѣнять его на родину, куда не поѣхалъ онъ даже, когда началась русско-турецкая война 1877—78 годовъ. Въ это время онъ съ большою неохотою покинулъ Палестину, оставаясь въ ней даже и тогда, когда на постройкахъ нашихъ развѣвался уже германскій флагъ [1]), и направился не въ Россію, а въ дорогіе для него Аѳины [2]), гдѣ и прожилъ до конца войны.

Разстался съ своею дѣятельностію въ Палестинѣ о. Антонинъ почти наканунѣ своей кончины, дней за пять до

прижавшись къ матери, и ни о чемъ—даже объ играхъ—не думаетъ, и ни на что—даже самое вѣрное—не расчитываетъ" (Труды Кіев. дух. Акад. 1869, т. II, стр. 156—157).

[1]) Церк. Вѣсти. 1877, № 22, стр. 4; № 25, стр. 11; № 18, стр. 448.

[2]) Тамъ же, 1878, № 35, стр. 635; Граждан. 1878, № 35—37, стр. 636.

смерти. 19 марта нашъ генеральный консулъ въ Іерусалимѣ С. В. Арсеньевъ былъ приглашенъ о. Антониномъ, уже напутствованнымъ въ иную жизнь, для составленія формальнаго духовнаго завѣщанія, которымъ онъ передавалъ:

1) Св. Синоду всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Палестинѣ земельныя имущества и печатныя книги своей цѣнной библіотеки.

2) Духовной миссіи—собранный имъ музей древностей, за исключеніемъ замѣчательнаго бюста Ирода Великаго, который долженъ быть переданъ Императорскому эрмитажу.

3) Кіевской духовной Академіи—лучшую и цѣнную вещь изъ своего имущества телескопъ[1]) его обсерваторіи, а другой меньшій брату родному въ Перми.

---

[1]) По поводу этого пожертвованія Совѣтомъ Академіи получено отъ о. архимандрита Антонина, въ отвѣтъ на привѣтствіе его съ пятидесятилѣтіемъ служебной дѣятельности, слѣдующее заявленіе: «Не нахожу словъ выразить мою вседушевную признательность высокочтимой академической корпораціи, почтившей меня совокупнымъ заявленіемъ (22 октября 1893 года, № 829) своего благосклоннаго вниманія къ моей убогой личности, когда-то имѣвшей счастье входить въ дѣйствующій составъ ея. Неся громкій, но скромный титулъ бакалавра Академіи, я далекъ былъ отъ всякой показности и, оставивъ Академію, не оставилъ по себѣ въ ней ничего увѣковѣчивающаго память. Болѣе чѣмъ скромное положеніе мое въ заграничной службѣ еще менѣе давало поводъ къ чему-нибудь, дающему имя. Мои скудныя приношенія заведенію, давшему мнѣ патентъ на званіе, на честь и хлѣбъ насущный, были дѣтски-естественнымъ выраженіемъ желанія не отставать отъ любимой матери, держась за нее если не руками, то посильными произведеніями рукъ. Блаженной памяти оплакиваемый наукой ректоръ Академіи, Филаретъ милостивый, почтилъ меня особенною, въ высшей степени лестною, не заслуженною честью, о которой нѣтъ надобности говорить ея самовидцамъ, чѣмъ еще болѣе привязалъ меня къ мѣсту и безъ того мнѣ какъ-бы родственно-своему. Исходный пунктъ новаго общедушнаго заявленія высокочтимою корпораціею своего благоволенія ко мнѣ - мой служебный юбилей—есть прикровенный прощальный гимнъ отходящему изъ міра суетъ тѣлоносцу, утрудненному если не службою, то «лѣтнимъ

4) Въ Далматовскій монастырь, гдѣ онъ воспитывался въ училищѣ,—наперсный крестъ.

5) Св. Гробу—панагію съ сибирскими камнями.

6) Пермскому каоедральному собору другую панагію съ сибирскими камнями и малахитомъ.

7) Императорской публичной библіотекѣ весьма цѣнное собраніе рукописей греческихъ и южно-славянскихъ [1]), но съ условіемъ, чтобы за нихъ выплачено было 5000 рублей — цѣна „умѣренная по сравненіи съ научнымъ значеніемъ и количествомъ рукописей“, и по признанію самой дирекціи библіотеки.

8) Вырученныя 5000 р. за продажу рукописей черезъ императорское русское посольство въ Константинополѣ —обратить на построеніе церкви въ Анкирѣ (нынѣ Ангора въ Малой Азіи), гдѣ пострадалъ мученикъ, имя коего носилъ онъ „со дня постриженія“ [2]).

9) 19 большихъ тетрадей въ 4 долю листа, составляющихъ его любопытный дневникъ [3]), веденный аккуратно день за день, начиная съ 1841 года, оставленъ Св. Синоду, но съ тѣмъ, чтобы 40 лѣтъ, со дня его смерти, онъ не обнародовался. Въ будущемъ этотъ дневникъ, конечно, послужитъ цѣннымъ матеріаломъ историку, пожелающему изобразить успѣхи право-

---

обхожденіемъ». Памятуя сей его послѣдній смыслъ я въ умѣленномъ мѣстѣ извожу изъ слабыхъ устъ своихъ завѣщательное слово. Лучшій предметъ имущественнаго достоянія моего—*астрономическій телескопъ* (E. Secretan. 1877, Paris) да будетъ новымъ приношеніемъ моимъ matri almae, снисходительно предоставляющей мнѣ право пользованія имъ usque ad supremum momentum, когда ни око не будетъ видѣть, ни ухо не будетъ слышать никакого человѣческаго привѣта“, (Извлеч. изъ проток. Совѣта Кіев. Дух. Акад. за 189$^{3}/_{4}$ учебн. годъ. К. 1894, стр. 112—113).

[2]) Описаніе этого драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей (преимущественно греческихъ, славянскихъ, еврейскихъ и арабскихъ) сдѣлано въ отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1899 г. СПБ. 1903, стр. 6—89. Описаніе—краткое.

[3]) Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 162—163.

[4]) Тамъ же, 1894, т. III, стр. 648.

славія на ближнемъ Востокѣ за время съ 1841 г. по 1894 годъ.

Почилъ о. Антонинъ о Господѣ мирно на 78 году своей многотрудной жизни, наканунѣ праздника Благовѣщенія въ 1894 году. Смерть этого самоотверженнаго дѣятеля на пользу православія въ Палестинѣ вызвала глубокія и искреннія соболѣзнованія у лицъ, преданныхъ о. Антонину и многочисленныхъ почитателей, въ которыхъ у него не было недостатка [1]). Даже Сіонская церковь, не всегда относившаяся къ о. Антонину, при его жизни, сочувственно и дружелюбно, у гроба его, въ лицѣ патріарха Герасима и представительныхъ лицъ изъ святогробскаго братства, засвидѣтельствовала громко данъ глубокаго уваженія къ его многосторонней и въ высшей степени плодотворной дѣятельности въ Палестинѣ.

„Земля Святая, земля Обѣтованная, на которой издавна ведутъ борьбу народы, племена и языки изъ-за того, кто на тебѣ славнѣе покажется, витійствовалъ предъ гробомъ почившаго арх. Фотій, нынѣ патріархъ александрійскій, земля спасенія, въ которой совершились почитаемыя страданія и слава Спасителя нашего, земля благословенная, въ себѣ имѣющая Назаретъ и Виѳлеемъ, Сіонскія горы и Іорданъ, Оаворъ и Галилею, Голгоѳу и Новый гробъ, земля освященная! ты скажи намъ и передай исторіи для будущаго о подвигахъ блаженнаго мужа, украшавшаго тебя св. учрежденіями, воздвигшаго тебѣ падшія стѣны, даровавшаго тебѣ божественные храмы, оставившаго тебѣ въ наслѣдство учительскія школы. Можетъ быть, я говорю преувеличенно? Но Назаретъ и Хевронъ, Горняя и Елеонскія горы, Іерихонъ и Яффа и вся Палестина подтверждаютъ мои слова. Большинство украшающихъ эти мѣста духовныхъ учительскихъ учрежденій, воздвигнутыхъ отъ имени благочестія Россіи, имъ воздвигнуты и всѣ чрезъ него имѣли поддержку. Св. Матерь церквей справедливо почитала сего мужа и справедливо благословляетъ его память. Россійская же Церковь справедливо должна быть

[1]) Труд. Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 163—164, 168—169.

признательна памяти того, кто, явившись наилучшимъ плодомъ и отличнымъ представителемъ ея благочестія, во всю свою жизнь сѣялъ чудныя дѣла ревности и силы онаго благочестія на св. мѣстѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ другіе тщетно надѣялись пріобрѣсть такую славу“ [1]).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ проповѣдника есть, конечно, не малая доля и личной симпатіи и благодарности къ почившему за его сердечное участливое отношеніе къ нему въ трудные годы его синайскаго заточенія, но безспорно, говоря въ присутствіи патріарха и какъ секретарь патріаршаго синода, арх. Фотій былъ голосомъ самой Сіонской церкви... Такъ высоко цѣнили о. Антонина, жившіе съ нимъ и видѣвшіе его изумительные плодотворные труды на пользу православія на Востокѣ. Для насъ, кіевлянъ, личность о. архимандрита кромѣ того еще должна быть дорога и близка по его воспитанію и служебной дѣятельности въ молодые годы въ высшемъ нашемъ разсадникѣ богословской науки—въ Кіевской Академіи, по той глубокой симпатіи, которую онъ питалъ всю жизнь къ матери русскихъ городовъ и ея досточтимымъ святынямъ, по той рѣдкой живой связи, которую онъ не только поддерживалъ съ Кіевомъ и съ воспитавшею его Академіею, но и засвидѣтельствовалъ о ней въ непрерывномъ почти рядѣ весьма цѣнныхъ и многочисленныхъ пожертвованій въ Академію и въ состоящій при ней церковно-археологическій музей. Думается намъ, что въ настоящую торжественную минуту, имѣя къ тому же и то, что черезъ *два дня* исполняется *десятилѣтіе* со дня блаженной кончины о. Антонина, естественно и вполнѣ прилично почтить этого весьма плодотворнаго труженика-земляка на пользу церкви, отечества и науки обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ вставаніемъ и провозгласить единодушно ему: „Вѣчная память“.

А. Дмитріевскій.

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 164.

Издательство православной

богословской литературы

“АКСИОН ЭСТИН”

(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте,

пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru